

Камень

Станислав
Минин

Книга

Одиннадцатая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Минин

Камень. Книга одиннадцатая

«Автор»

2024

Минин С. Н.

Камень. Книга одиннадцатая / С. Н. Минин — «Автор», 2024

Продолжение приключений Алексея Пожарского на Лазурном побережье
Франции.

© Минин С. Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Станислав Минин

Камень. Книга одиннадцатая

Глава 1

– Подъем, бойцы! Нас ждут великие дела!

Я с готовностью откинул одеяло и уселся на койке – приближение родителя к нашей спальне почуял еще на подходе, а сладкую полудрему удалось сбросить практически мгновенно.

– Дядька, отстань! – Александр тоже узнал голос цесаревича и закутался с головой в одеяло. – Еще полчаса!

Его поддержал Николай:

– Еще час, дядька! Иначе счастья не видать! – И поступил с одеялом по примеру брата.

Родитель отступать не собирался:

– А кто у нас постоянно ноет, что все серьезные дела без их участия проходят? Кто у нас отказался домой лететь, чтобы до конца свой долг перед Родиной на чужбине выполнить? У кого из нас скоро в планах предложение руки и сердца заморским принцессам делать в торжественной обстановке и в присутствии старших родичей?

Видимо, последний вопрос согнал у братьев все остатки сна – они мигом скинули одеяла, уселись по моему примеру на койках и вперили в цесаревича недовольные взгляды:

– Дядька, – забурчал Николай, – вы, старшие Романовы, самые настоящие сатрапы! Самито когда женились? Все как один после училища! А нас в восемнадцать лет на амбразуру кидаете!

Его поддержал Александр:

– Не на амбразуру, а в тюрьму! Это Коляшке с Евуськой повезло, она девка вменяемая! А мне какое счастье привалило? – Он тяжело вздохнул и продолжил: – Дядька, ты сам-то с моей Изабелкой общался? Она же отбитая на всю голову, вся из себя гордая и в край избалованная! Как хотите, но я после свадьбы постараюсь на губу в училище по любому поводу влетать, чтобы только на выходных любимой жене на глаза показываться!

Мой отец же на это только довольно улыбался:

– Стерпится – слюбится, племяннички! Вы присягу давали, клялись Родину защищать, вот и считайте, что Родина нуждается вот в такой вот жертве с вашей стороны. Короче, отставить пустопорожные разговоры, жалобы, необоснованные обвинения, самокопания с бессмысленными угрозами и марш приводить себя в порядок! Даю пятнадцать минут на спуститься вниз, у нас гости. – И под нашими заинтересованными взглядами родитель пояснил: – Его святейшество под кофий изволит слушать аудиозапись наших ночных переговоров с Медичи и Сфорца. Если поторопитесь и будете хорошо себя вести, молодые люди, под это дело можете получить высочайшее благословение.

– Очень надо!.. – в один голос буркнули братья.

Но с коек поднялись и направились в сторону ванной комнаты. За ними поплелся и я. В ванной обвинения в сторону родичей продолжились, но направлены были теперь уже против меня:

– И ты, Лешка, тоже хорош! – бурчал Александр. – Себе невесту-малолетку отхватил, на которой тебе только года через два жениться придется. Да и с головой у нее, судя по всему, все в порядке, в отличие от моей капризной Изабелки!

Тут его поддержал Николай:

– И развлекаешься ты, Лешка, опять без нас!

– И как же это я без вас развлекаюсь? – хмыкнул я.

– А кто избил старших Медичи? В то время как все остальные, и мы в том числе, скромно сидели в сторонке, терпеливо дожидались окончания... предварительных ласк и не имели возможности получить столь желаемое удовольствие?

– А кто вам мешал при захвате упомянутых лиц пару раз им по ребрам съездить? – отмахнулся я и стал выдавливать на зубную щетку пасту. – И Сфорца тоже слегка рихтануть?

– У нас инструкция жесткая была... – буркнули братья. – Князь Пожарский приказал никого не калечить...

Я нахмурился:

– А меня с вами на захвате вообще не было! Да и так называемое избиевание старших Медичи было необходимо в рамках разработанного старшими родичами сценария, в подробности которого я, как и вы, был посвящен в самый последний момент. И вообще, дорогие мои, я вам и так стараюсь при проведении всех этих мероприятий подкидывать самые интересные и зрелищные задания, а сам занимаюсь скучными беседами с разными злодеями и запугиванием неприятеля. Скажете, не так? Так! Вам что, Генуи не хватило? Это ведь вы там с сожжением складов развлекались и на катере совершали морскую прогулку, пока я три контейнера с баблом и наркотой пер через половину Лазурного берега в Монако!

– И все равно! – продолжали бурчать Коля с Сашей. – Ты нас даже в Германию с собой не взял... И сегодня ночью тоже о нас забыл...

– Забыл?

– Да, забыл! Мог бы деду Коле сказать, что бить Медичи должны были мы, а ты будешь только разговаривать – он бы тебя обязательно послушал...

– А сами могли ко мне подойти и об этом попросить? – вздохнул я.

– Мог бы и сам догадаться...

Орудя зубной щеткой у себя во рту, *посмотрел* братьев и мысленно усмехнулся – Коля с Сашей нисколько на меня не обижались, а большая часть их раздражения была направлена в сторону старших Романовых, «мешавших» полному раскрытию боевого потенциала двух уже «сформировавшихся» великих князей. И наш ночной «визит» сначала к Сфорца, а потом и к Медичи этому способствовал, потому как совсем не соответствовал представлениям братьев о Великом Подвиге во славу Российской империи. И я с ними тут был полностью согласен...

Общее руководство «войсковой» операцией осуществлял Ванюша Кузьмин, в подчинении которого были три группы. Первая состояла из батюшек Владимира и Василия, в обязанности которых входило обеспечение «ментального прикрытия» операции. Вторая осуществляла техническое обеспечение и приступила к работе за шесть часов до начала основного «действия», взяв под контроль нужные нам системы видеонаблюдения и сигнализации. Формально этой группой командовал генерал Нарышкин, но на самом деле главным там был фельдъегерь Сидоров. Третью же группу, осуществлявшую силовой захват нужных нам субъектов, возглавил князь Пожарский, в подчинении которого находились мой отец, Прохор и Коля с Сашей.

– Сам пойду этих тварей брать! – заявил мне еще в гостинице радостно скалящийся дед Михаил. – Вспомню славные деньки, проведенные в гвардейском ДШБ!

Мне же, как и недавно в Берлине, фактически досталась роль контролера с самыми широкими полномочиями. И было у меня только одно ограничение, которое при всех озвучил царственный дед:

– Алексей, у нас нет права на ошибку! – с самым серьезным видом проговорил он. – Сейчас у нас есть уникальный шанс решить часть возникших проблем здесь и сейчас, когда Медичи и Сфорца в Монако. Больше такого шанса может и не представиться. И придется нам бегать за этими тварями по всему Риму с этим их Ватиканом, что, согласись, серьезно понизит наши шансы на успех. – Император вздохнул и буквально впился в меня взглядом: – В средствах я тебя не ограничиваю, разрешаю делать все что угодно, а насчет побочного ущерба в

виде трупов иностранных подданных можешь не беспокоиться, но задачу мы должны решить. Алексей, ты готов?

Подобная психологическая накачка возымела свое действие, и я, нисколько в себе не сомневаясь, кивнул:

– Готов, государь! Задача будет выполнена при любых раскладах!

– Это я и хотел от тебя услышать, внучок!..

Самой главной проблемой для нас были японский и индийские колдуны – именно ими я и *заялся* еще в номере – и если с «любителями песен и плясок» особых проблем не возникло, то вот к погружению «самурая» в «сладкий сон с видениями цветущей сакуры» я отнесся с большой осторожностью. Когда цель была достигнута, мои действия решил тихонько прокомментировать находившийся все это время рядом Кузьмин:

– Царевич, ты красава! Я хоть и не *чуял* толком ничего, но это твое фирменное воздействие, постоянно меняющее частоту, и его мягкость зело восхищают покорного раба твоего!

Я обозначил улыбку:

– Растешь над собой, Ванюша, уже начинаешь меня *чужать*. А ведь я для гарантии *закрывался*! Неужели эффект правила свою отложенную роль играет?

– Дай-то бог, царевич! Дай-то бог! – с довольным видом выпрямил спину колдун.

Я же не стал разочаровывать Кузьмина – *работал* я сейчас в тепличных условиях, а не в боевых и просто решил не тратить лишние силы на защиту, учитывая, что основная часть операции у нас впереди.

Сама операция прошла без накладок – батюшки Владимир и Василий взяли *на контроль* покои Сфорца, группа князя Пожарского осуществила захват последнего, следом то же самое проделали с апартаментами Медичи и уже там провели «переговоры на высшем уровне». Возвращение понтифика к родным пенатам тоже прошло штатно – батюшка Василий все это время *бдел* и уверял, что служки папы «просто спали и ничего заметить были не должны». Василию я верил, потому как тоже все это время отслеживал окружающую обстановку на *темпе*, но мысленно все же перекрестился и поблагодарил Господа нашего за то, что Сфорца не взял с собой в Монако свою «толстокожую» швейцарскую гвардию.

Вернувшись в отель, мы с Кузьминым в его номере решили «по горячим следам» обсудить действия батюшек. В результате высокие договаривающиеся стороны пришли к общему мнению, что церковники сработали вполне нормально, но опыта проведения именно боевых операций им все же не хватает.

– Натаскаете! – заявил нам присутствующий на беседе Прохор, развалившийся в кресле. – Рапорты по итогам операции напишете завтра, а сейчас спать!

– Ты чего это раскомандовался? – насупился Ванюша. – Ты кого тут спать посылаешь, боец? Да пока ты там с наручниками и скотчем по вражеским апартаментам козликом скакал, я, на секундочку, под надзором государя трем великим князьям и самому Михаилу Николаевичу Пожарскому приказы раздавал! – Колдун сделал зверское лицо, отчего кепка съехала ему на лоб, и рявкнул: – А ну встать, воин!

Прохор, и не подумавший подняться, поморщился, тяжело вздохнул и повернулся к веселящемуся мне:

– Сынка, это еще наш Ванюша вполне по-взрослому себя ведет. Представляешь, что этот гаденыш по молодости творил?..

До того момента, когда Святослав закончил прослушивание записи наших переговоров с Медичи и Сфорца, мы с братьями успели позавтракать. Наконец патриарх отложил наушники в сторону и прокомментировал услышанное всего одним словом:

– Лихо!

После чего обвел взглядом старших Романовых, князя Пожарского и остановился на мне:

– Алексей, если понтифик выполнит все озвученные требования, я тебе лично все твои многочисленные грехи отпущу, в том числе и смертные!

Я на это только кивнул, а Святослав повернулся к государю:

– Коляшка, а почему меня не покидает ощущение, что к планированию и проведению столь дерзкой акции имеет самое прямое отношение наш общий друг Мишаня Пожарский?

Дед Николай хмыкнул и пожал плечами:

– Что есть, то есть... Отрицать не буду.

Святослав же задумчиво протянул:

– Прав был твой покойный батюшка, Коляшка, когда чуть ли не в приказном порядке Мишаню заставлял перевестись на жандармский факультет.

– А ты помнишь, Свят, чем это закончилось? – опять хмыкнул царственный дед.

– Мишаня решительно отказался под предлогом того, что в славном роду Пожарских сроду шпигов не было. Государь после этого заявления по своему обыкновению осерчал, но право выбрать наказание предоставил Мишкиному родителю – военному министру Николаю Михайловичу Пожарскому. Его высокопревосходительство тоже не отличался кротостью нрава и за невыполнение приказа помазанника божьего вlepил сынишке неделю гауптвахты на хлебе и воде, после чего оглядел нас с тобой и Вовкой и вlepил нам тоже трое суток губы «за компанию». Да... – вздохнул Святослав, – государь с Николаем Михайловичем были все-таки правы – надо было Мишане по жандармской линии двигаться! Уверен, после должности командира корпуса он бы давно уже сидел в кресле министра внутренних дел. Но, как я понимаю, – патриарх повернулся к князю Пожарскому, – наш Михаил Николаевич и так неплохо устроился, не растеряв свою знаменитую в узких кругах бульдожьё хватку.

Дед Михаил только отмахнулся:

– Свят, не наговаривай на скромного военного пенсионера.

Патриарх же мотнул головой в мою сторону:

– И смену достойную воспитал. – Он посерьезнел. – Ладно, господа Романовы и Пожарские, минутка воспоминаний закончена, пора поговорить о серьезных делах. И если вы позволите мне высказать свое мнение по поводу Ватикана, специфику отношений внутри которого по роду службы знаю лучше вас, то я очень сомневаюсь, что остальные кардиналы позволят Сфорца, являющемуся некоей фигурой согласия целого ряда группировок, не только выдать вам затребованную информацию, но и ослабить влияние католических орденов в Восточной Европе. Исходя из вышеизложенного предлагаю все же поискать альтернативные возможности для разрешения ситуации в нашу пользу. Со своей стороны гарантирую оказание любой помощи.

В гостиную больше чем на минуту установилась тишина, нарушил которую царственный дед:

– Свят, мы обязательно учтем твое мнение, но... – император глянул в мою сторону, – способы воздействия, гарантирующие выполнение обязательств, у нас имеются. Если же что-то пойдет не так... Одним словом, будем держать тебя в курсе.

– А я буду молиться, чтобы это, вне всякого сомнения, благое начинание закончилось успехом...

С молодежью мы встретились на пляже уже после обеда, причем братья Медичи, пришедшие чуть раньше нас, вели себя хоть и несколько отстраненно, но крайне корректно, памятуя, видимо, о полученных инструкциях, данных им старшими родичами. Ни я, ни Коля с Сашей

никаких «душевных терзаний» при встрече с итальянцами не испытывали, скорее наоборот – подсознательно ждали со стороны гордых Медичи провокаций и даже хотели, чтобы эти самые провокации произошли. Но, к счастью, обошлось.

Главной же «звездой» нашей пляжной пати являлся младший Сингх, улетающий в Дели на пару деньков по каким-то там делам рода и вернувшийся сегодня утром обратно в Монако.

– Угощайтесь, друзья! – индийский принц раскладывал на барной стойке какие-то небольшие коробки. – Наши национальные сладости!

Естественно, первыми отведали заморские сладости наши девушки и остались очень довольны необычными «вкусняшками». Когда ими была опустошена вторая коробочка, мой братец Александр не удержался и спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Интересно, а сколько в этих сладостях калорий?..

Девушки застыли, потом переглянулись, а быстрее всех сориентировалась Изабелла, которая, по всей видимости, восприняла слова будущего мужа на свой счет:

– Девочки, вы как хотите, а я купаться...

И побежала в сторону моря, на ходу снимая с себя сарафан. За испанкой кинулись и все остальные наши красавицы. Александр же проводил девушек довольным взглядом:

– Долго теперь из воды не вылезут, к гадалке не ходи! Пьер, дорогой ты мой человек, – обратился Шурка к нашему бессменному бармену и залез на высокий стул, – а налей-ка ты мне рюмочку водочки и бокал светлого нефилтрованного! А уж я тебя чаевыми порадую!

Примеру Александра последовали и все остальные молодые люди, только вот заказы различались по поводу того, чем именно они хотели злоупотребить в это время суток.

Девушки действительно купались около сорока минут, дружно занимаясь в воде чем-то вроде аквааэробики, потом отдыхали и загорали на лежаках, а мы при них исполняли роли официантов, периодически поднося красавицам различные освежающие напитки и нарезки из свежих фруктов. Короче, довольны проведенным временем остались все без исключения, что было особенно важно на фоне предстоящей поездки в ненавистный театр...

Вечер, вернее, ночь у «самого высшего света» заканчивалась традиционно – в ресторане нашего отеля. Под общие тосты уже давно все выпили, представители правящих родов разошлись по компаниям, не стала исключением и молодежь.

В какой-то момент я заметил, как меня к себе подзывает родитель:

– Алексей, – он отвел меня к окну ресторана, – вам сейчас японцы собираются за рекламу мотоциклов что-то там ценное вручать, так что предупреди Колю с Сашей и Лену Панцулаю, пусть будут готовы. Да, еще Ане Шереметьевой скажи, чтобы на камеру всю церемонию снимала, особенно с участием Панцулаи. Задача понятна?

– Так точно, ваше императорское высочество! – кивнул я.

– Выполняй!

Минут через десять церемония началась. Сначала император Японии Нарухито перед всеми присутствующими толкнул короткую, но проникновенную речугу о любви и дружбе между народами Японии и России, заверил всех в нерушимости этой самой любви и дружбы и в том, что никакие происки всяких там инсургентов не навредят единению двух великих народов. В качестве доказательства единения принц Акихито вышел к отцу с четырьмя японскими мечами – катанами, первый из которых, с оттенком красного, был торжественно вручен императором смущенной Елене Панцулае, второй, коричневый, Николаю, третий, синий, Александру, а последний, черный, мне. Поклонившись и приняв ценный подарок, я уже собрался уходить, как Нарухито мне негромко сказал:

– Алексей, в знак особого моего к тебе расположения я позволил себе сделать тебе еще один подарок, который будет ждать в Москве.

– Благодарю, ваше величество! – Я поклонился еще раз.

Понятно, что катаны произвели среди молодежи самый настоящий фурор и тут же пошли по рукам. Посмотреть же было на что – рукоятки обтянуты приятной на ощупь кожей с литыми металлическими элементами и драгоценными камнями, ножны тоже не из дешевого дерева. А клинок! Это было самое настоящее произведение кузнечного искусства! Я не удержался, схватил катану за центр рукояти и на *темне* заставил меч *вибрировать*, как учил меня Прохор. Подарок не разочаровал – эластичность металла на уровне, а баланс соблюден идеально!

– Алексей, – на катану восторженными глазами смотрел Багратион, рядом с которым с такими же зенками застыли Нарышкин и Каранеев, – не мог бы ты?..

– Держи, Сандро, – я вручил ему меч. – Наслаждайся, дружище!

А сам принялся наблюдать за продолжавшей смущаться Еленой Панцулаей, у которой ее катану уже «отобрал» восхищенный Федя Гогенцоллерн.

Еще через какое-то время к компании нашей молодежи присоединилось большинство наследников, среди которых был и Акихито, устроивший краткую лекцию по истории японских мечей. Даты, имена мастеров и тактико-технические характеристики катан я толком не запомнил, но уловил главное – все четыре подаренных меча были не новоделами, имели свою довольно-таки длинную историю, и без специального разрешения их вывоз за пределы Японии был запрещен под страхом смерти.

Когда лекция закончилась, Аня Шереметьева, записывавшая все происходящее на телефон, попросила Акихито сфотографироваться с Еленой Панцулаей. Японский принц отказываться не стал, и наша совсем потерявшаяся курсантка при помощи Демидовой и Хачатурян была поставлена рядом с Акихито.

– Саша, а Прохор у тебя не занят? – услышал я рядом голос, говорящий на русском с заметным акцентом.

Обернувшись, обнаружил у себя за спиной Ранбара – индийского принца – и собственного родителя.

– Зачем он тебе? – улыбнулся мой отец. – Хочешь узнать экспертное мнение о катанах?

– Было бы неплохо... – хмыкнул Ранбар. – Кто, как не он?

– Мы поступим иначе... – И родитель, подмигнув мне, направился в сторону старших Романовых.

Минут через десять голос моего отца через динамики сообщил присутствующим, что у Романовых есть некий сюрприз в тему сегодняшнего вечера, и всех просят прогуляться в сторону марины, где на яхте «Звезда» ждут напитки и холодные закуски...

– Щас, царевич, родовитые интуристы охренеют в очередной раз! – Кузьмин от волнения не мог стоять спокойно на одном месте и постоянно пытался схватить меня за локоть.

Это же волнение передалось и мне, но я, в отличие от Ванюши, просто вцепился в фальш-борт на носу яхты и не отпускал его.

– Идет! Идет!.. – зашептал Кузьмин и перекрестился: – Не подведи нас, Петрович! Вспомни лихую молодость!..

Спустившийся по трапу воспитатель, обряженный в костюм с галстуком и балаклаву, закрывавшую лицо, держал в каждой руке по катане – одна была моя, вторая Николая. Короткая остановка, и клинки, освобожденные от ножен, засверкали в свете мощных прожекторов полированной смертоносной сталью. Пройдя в условный центр бетонного причала, Прохор развернулся к яхте, поклонился и сразу начал демонстрировать искусство фланкировки двумя

саблями (по европейской классификации катаны считаются именно саблями, а не мечами). Темп воспитатель сначала взял небystрый, отчего казалось, что Прохор обращается с катанами небрежно, как бы нехотя, но скорость постоянно росла, добавлялись новые приемы крутки. И вот в марине стоит непрерывающийся свист от рассекаемого катанами воздуха, а воспитатель добавляет в «представление» элементы акробатики и «боя с тенью», перемещаясь по причалу рваными скачками, прыжками и даже перекатами! Движение катан по сложным траекториям глаз уже не выхватывает – Прохор накрыт стальным сверкающим куполом, а от свиста начинает закладывать уши!

– Старая школа! – послышался чей-то громкий голос, старающийся перекрыть свист. – Высочайший уровень!

И тут сверкающий купол смешивается со сполохами огня, взрывается тысячей ярких светлячков, и, когда они таят, Прохор оказывается стоящим на одном колене с опущенной головой и расставленными в стороны руками, в которых он обратным хватом держит катаны.

Яхта взрывается аплодисментами и криками «Браво!», а я замечаю, как у стоящего рядом Ванюши по щеке сползает слеза радости:

– Сдюжил, Петрович! – зашептал он. – Сработал даже эффектнее, чем в молодости...

Глава 2

На этот шепот колдуна я только хмыкнул:

– Не знаю, как в молодости, но у нас в имении мне Прохор что-то подобное демонстрировал, только с шашками, чтобы, значит, и мне привить любовь к холодняку.

– Уроки не пошли тебе впрок, царевич! Не в коня овес! – покривил губы Кузьмин. – Ты же у нас любитель голыми руками клиентов в края вечной охоты отправлять.

– Почему же сразу не пошли впрок? – И пожал плечами. – Я и кабана дикого ножом забью и разделаю, и лося с косулей. Один раз даже медведя-шатуна пришлось по зиме прямо в лесу освежевать, чтобы он делов не наделал, а про коров с быками, овец, баранов и куриц вообще промолчу. Людишек, или, как ты выразился, клиентов резать пока случая не выпало, но я надеюсь в самое ближайшее время исправить это досадное недоразумение.

Ванюша повернулся и несколько секунд рассматривал меня с задумчивым видом, а потом заявил:

– Если в Европах не выйдет перышком поработать, но очень хочется, на родине напросись с Виталькой Пафнутьевым в Бутырку на допрос с пристрастием – дружок наш и сам не брезгует фартук надеть, когда дельце попадается особенно... щекотливое. Но учти, царевич, от Борисыча, в отличие от Петровича, ты демонстрации пытошного искусства в полной мере не дождешься – увидишь только голый прагматизм с достижением результата самым быстрым и эффективным способом. – Колдун ухмыльнулся: – Короче, разницу в уровнях Петровича и Борисыча сам увидишь, а если теряться не станешь, перейдешь наконец от теории к практике. – И снова ухмылка. – Надеюсь, будет у тебя в личном деле запись не только о массовых убийствах баранов, овец и курочек-несушек, но и настоящее освежение какого-нибудь коварного государственного преступника с неременной ссылкой на его чрезвычайно подробные и правдивые показания.

Я на этот спич только махнул рукой:

– У меня и так личное дело ломится от подобных записей. Боюсь, подвиг с разделыванием никто не оценит.

И опять задумчивый взгляд колдуна, закончившийся тяжелым вздохом:

– Не оценит, говоришь? Царевич, ты у нас отпрыск крайне аристократических родов, а значит, и жизни во всем ее пошлом разнообразии не видел. Народ же наш российский в основной своей массе от природы опытен, хитер и мудр. И этот народ на стенах в мужских уборных прямо над писсуарами любит писать разные мудрые мысли, например, «не льсти себе, подойди поближе». Намек понял, царевич?

– Понял, – кивнул я. – Значит, будем перманентно увеличивать количество записей в своем личном деле.

От дальнейшего продолжения разговора «матерого дяденьку» и «едва оперившегося юнца» отвлекло какое-то движение: оказалось, вниз на причал с яхты спрыгнули двое: японский принц Акихито и индийский принц Ранбар, – которые бодрым шагом подошли к Прохору и о чем-то с ним заговорили. Я почувствовал, как напрягся Кузьмин:

– Так и знал! – зашептал он. – Азартный Ранбарчик до сих пор не может простить Прошке свои регулярные поражения двадцатилетней давности! Как бы ситуация при таких раскладах не вышла из-под контроля!

– Ваня, ты о чем? – не понял я.

– Сейчас все сам увидишь...

И действительно, на причале всюду шла явная подготовка к поединку на мечех: Акихито надел на руки Ранбара браслеты, Прохор же, скинувший с головы балаклаву, с полупоклоном вручил одну из катан индийскому принцу, который эту катану принял с таким же уважитель-

ным полупоклоном. Пока Акихито что-то говорил внимательно слушающим его «дуэлянтам», до наблюдавшего все это с яхты общества начала доходить суть происходящего. Реакция воспоследовала незамедлительно:

– Господа, минуточку! – рявкнул мой царственный дед, обращаясь к троице, находящейся на причале. – Мы не можем позволить вам лишить нас всей полноты удовольствия от хорошего поединка! – Император сделал паузу, оглядев уже присутствующих на яхте, и громко провозгласил: – Два миллиона рублей на господина Белобородова!

– Два миллиона на господина Сингха! – ответил кто-то.

– Полтора на русского!..

– Три на индийца!..

– Полтора...

– Миллион...

В конце концов принимать ставки доверили князю Гримальди, и никто, что характерно, даже не подумал уточнять условия поединка – родовитая публика уже вовсю предавалась «всей полноте удовольствий»! Не остался в стороне и я, правда, после настоятельных увещаний Кузьмина:

– Царевич, поставь за меня на Петровича тот лям, который положен мне по итогам мафиозной темы, – канючил он. – Чего тебе стоит? Бабки сами в руки плывут!

Вздыхнув, я кивнул и направился к князю Монако:

– Ваше высочество, пять миллионов рублей на господина Белобородова, – достаточно громко озвучил ставку я.

– Принято! – хмыкнул тот и не удержался от комментария: – Пожалуй, и я три миллиона на Прохора Петровича поставлю, раз ты, Алексей, так в его победе уверен.

Те «азартные Парамошки», которые еще не успели сделать свои ставки, слыша наш с Гримальди разговор, явно задумались, но большая их часть все же отдала предпочтение индийцу.

Минут через десять прием ставок был закончен, на пристань спустился «матрос» в белом халате, несший в руках большой чемодан с красным крестом на боку, и князь Монако объявил, что «состязание» может быть начато. И оно началось...

Акихито, выполнявший роль судьи, отошел от «дуэлянтов» на несколько шагов, поднял правую руку и резко ее опустил, сопроводив жест звуковой командой на английском:

– Бой!

Классическая стойка Прохора для боя на саблях с практически прижатой к корпусу правой рукой и отведенной назад левой была мне знакома, как и хват катаны только правой рукой, а вот то, что Ранбар встанет в аналогичную стойку, вызвало некоторое недоумение. Ванюша Кузьмин, будто прочитав мои мысли, заметил:

– У индийца были учителя из Европы, царевич, иначе у бедолаги вообще не было бы шансов...

– Ясно... – кивнул я.

А Ранбар в это время уже успел сделать пару пробных выпадов в сторону Прохора, которые, впрочем, были без труда отбиты моим воспитателем... Еще пара выпадов – и наконец «господин Белобородов» решил ответить...

Эта очень быстрая многоуровневая атака с ложными обозначениями целей на теле индийского принца была совсем не похожа на то, как показывают бои на саблях, катанах, шашках, рапирах и тому подобном в художественных фильмах – не было красивых замахов с подавляющими волю противника гримасами, не было картинных поз с поэтическими названиями типа «удовлетворенная самка богомола убивает бывшего в употреблении самца» или «жало из попки скорпиона разит прямо в глаз», как не было и зычных выкриков с бесполезными ударами, направленными только и исключительно по оружию противника. Каждое движение Прохора, ставшего с катаной одним целым, было подчинено только двум целям: выведению

противника из строя за самый короткий промежуток времени и заботе о том, чтобы самому в результате этой атаки получить как можно меньше повреждений.

Катана, направленная Прохором в грудь Ранбара, предсказуемо отбита с громким лязгом... Движение смертоносной стали продолжается, и вот катана резко опускается вниз и одновременно уходит влево, теперь цель – уже правая нога индийца... Ранбар успевает отбить и уже сам из неудобного положения контратакует, казалось, раскрывшегося Прохора, однако ничего сделать не успевает – воспитатель делает длинный подшаг вперед и влево, уходя от атаки, и, ловя принца на противоход, «чиркает» тому не встречающим сопротивлению мечом по правому плечу.

– Стоп! – крикнул Акихито и подскочил к Ранбару, правый рукав рубашки которого стал быстро краснеть.

За японцем к индийцу под одобрительные выкрики с яхты подошел Прохор, а за ним и медик, быстро растолкавший «посторонних» и занявшийся осмотром раны, а я услышал очередной циничный комментарий Кузьмина:

– Что-то долго Петрович возится, да и ущерб нанес пустячный. Царевич, я уже начинаю переживать за наше с тобой бабло...

– Ваня, ты чего несешь? – возмутился я. – Как долго-то? Последняя результативная атака заняла у Прохора не больше трех секунд! И почему ты переживаешь за деньги? Ведь бой явно закончился победой господина Белобородова!

– Ничего еще не закончилось... – буркнул Кузьмин. – Щас упертого Ранбарчика перевяжут, и он потребует реванша.

Ванюша оказался прав – индийский принц потребовал у доктора потуже перевязать рану бинтом, помахал катаной раненой рукой и под восторженные крики публики героически решил продолжить «дуэль».

Опять уважительные полупоклоны бойцов друг другу, отмашка рукой с криком «Бой!» и совершенно изменившийся рисунок поединка: Ранбар решил все поставить на безудержную атаку!

Катана индийского принца на протяжении минуты постоянно мелькала в опасной близости от тела отступающего Прохора. Казалось, сталь японского меча вот-вот погрузится в плоть моего воспитателя, как вдруг в пару мгновений все изменилось – Прохор, «с трудом» отбив очередную *предсказуемую* атаку Ранбара, резко пошел на сближение, схватил левой рукой правое запястье Сингха, заблокировав его катану, и резко рубанул того мечом по левой ноге!

– Fucking shit!

– Fils de pute!

– Fessa!

– Verdammte Scheisse!

– O kurwa!

– Твою же мать!..

И женский протяжный вздох:

– Мамочки!..

За падением Ранбара на бетон я наблюдал, раскрыв рот, не в силах поверить в увиденное, а вот у многоопытного Кузьмина уже был заготовлен емкий и всеобъемлющий комментарий:

– Царевич, нам пизда!

Завершавшая *чуйка* заставила меня прийти в себя и мгновенно собраться – на пристань с яхты уже соскочили несколько человек, среди которых были мой царственный дед, пока еще не царственный родитель, король Индии Гулаб и его внук Джай, и от старшего Сингха пошел пока еще слабый, но вполне видимый выплеск стихий:

– Убью! – заорал он, пытаясь отодвинуть в сторону императора Российской империи. – Романов, уйди с дороги!

«Твою же бога душу мать!!! – ругался я про себя. – Прохор, что же ты натворил?..» И сиганул вниз на пристань, чуя, что Кузьмин следует за мной.

Но моя помощь любимому воспитателю не потребовалась – валявшийся на бетонном покрытии причала принц Ранбар зашевелился, громко застонал, наконец сфокусировал взгляд сначала на Прохоре, а потом и на Акихито с корабельным врачом. Негромкий диалог, и индийский принц при помощи трех вышеупомянутых лиц утвердился в вертикальном положении, стараясь при этом не наступать на левую ногу, с которой, что примечательно, не лились на бетон «литры» крови, которые характерны для резаных ран, нанесенных в эту область бедра.

На пристани, как и на яхте, на несколько мгновений воцарилась гробовая тишина – до всех, в том числе и до нас с Ванюшей, медленно начал доходить тот факт, что Ранбар отделался максимум переломом, а не потерей нижней конечности.

– Сынок! – с робкой надеждой произнес король Индии, отодвинул в сторону уже не сопротивляющегося российского императора и подошел к Ранбару. – С тобой все в порядке? – Синг-старший нагнулся и принялся ощупывать левую ногу принца.

Ранбар от такой бесцеремонной пальпации со стороны родителя дернулся, посерел лицом, несмотря на смуглый цвет кожи, сжал губы и негромко ответил:

– Со мной все в порядке, отец, просто болевой шок не позволил мне продолжить поединка.

Выражение лица короля Индии с заботливого сменилось на раздраженное:

– Какой болевой шок? Мы думали, тебе ногу отрубили! Срочно поехали в больницу, необходимо сделать рентген и убедиться, что нет перелома!

– Не надо куда-то ехать, отец, – голос принца подтвердел. – Здесь присутствует доктор, да и Прохор в знании основ полевой медицины даст сто очков любому дипломированному специалисту.

– Твой дружок Прохор тебя чуть не угробил! – рявкнул король и, заметив *движение* русского императора с цесаревичем и их нахмуренные лица, тут же пошел на попятный: – Я настаиваю на больнице!

– Не поеду, отец! – отмахнулся Ранбар и, сжав зубы, наступил на поврежденную ногу. – Вот видишь? Все в порядке. Просто *мой дружок* Прохор, помимо великолепного владения холодным оружием, отлично знает анатомию и все болевые точки человеческого организма. Вернее, для господина Белобородова человеческий организм – одна сплошная болевая точка. Вот он и вырубил меня с гарантией, чтобы дальше не резать... – Принц погладил себя по повязке на руке со следами крови.

И демонстративно повернулся к Прохору, продолжив уже торжественным тоном:

– Господин Белобородов, в очередной раз признаю и вашу победу в поединке, и ваше подавляющее превосходство во владении холодным оружием!

Ранбар неуклюже поклонился Прохору, тот церемонно согнулся в ответ:

– Мне в очередной раз повезло, ваше высочество!

– Не говори глупостей, дружище! – хмыкнул принц. – Надеюсь, за оставшееся время нашего совместного пребывания на Лазурном берегу ты дашь мне несколько уроков?

– Как будет угодно вашему высочеству! – Прохор обозначил поклон.

– Отлично! – И Ранбар повернулся к японскому принцу: – Акихито, ты не передумал?.. – и многозначительно кивнул в сторону Прохора.

Внешне малоэмоциональный Акихито растянул губы в улыбке:

– Возможность сразиться со столь искусным противником будет для меня честью! – И кивнул Прохору. Получив ответный поклон, он продолжил: – Только я не повторю твоей ошибки, Ранбар, и хорошенько разогреюсь.

«Посторонние» в некотором недоумении смотрели, как японский бесфамильный принц снимает с Сингха браслеты, надевает их себе на запястья, отходит в сторону и начинает активно

«разогреваться» с катаной, которую он поднял с бетона еще после падения Ранбара. Прохор же в это время совместно с корабельным доктором еще раз осторожно ощупывал ногу индийского принца, прося того ею вертеть, наступать и сгибать. Царственные особы тоже решили времени не терять:

– Николай, – индийский король привлек внимание своего русского «коллеги» по опасному бизнесу, – надеюсь, ты не обижаешься на меня за... это досадное недоразумение? Сын все-таки...

– Гулаб, я тебя как отец прекрасно понимаю! – расплылся в улыбке мой царственный дед. – Какие могут быть обиды между нами? Лучше давай вернемся на яхту и закрепим взаимопонимание коньяком?

– Иду. Только сына надо забрать...

Ранбар на яхту идти отказался и заявил, что будет судьей у Прохора и Акихито.

– В твоём-то состоянии? – хмурился король. – Не говори глупостей, калека!

– Меня Ваня подлечит, – кивнул принц в сторону Кузьмина. – Ваня, ты же поможешь старому боевому товарищу?

– Конечно, ваше высочество! – поклонился тот.

Король Индии повернулся к колдуну всем телом и совершенно обыденным тоном попросил того:

– Ваня, дорогой, ты сильно моего сына не лечи – пусть у Ранбара с болью сегодня ночью вся придурь из головы выветривается!

Кузьмин понятиливо кивнул:

– Сделаю, ваше величество!

Гулаб же решил пойти еще дальше и обратился к корабельному врачу, покосившись при этом на моего деда:

– Уважаемый доктор, скажите, рану на плече моего сына зашивать надо?

– Безусловно, ваше величество, – поклонился тот и тоже покосился на императора. – Осмелюсь доложить, ваше величество, мой опыт в подобных делах и специально оборудованный медицинский кабинет на яхте позволяют сделать это на высочайшем профессиональном уровне! Готов выполнить все необходимые манипуляции и дальше наблюдать состояние его...

Доктор был остановлен властным жестом короля:

– Спасибо! Я несколько не сомневаюсь в вашем профессионализме, особенно учитывая тот факт, что вы попали *на службу* именно на эту непростую яхту. И чтобы не ставить вас в неудобное положение, с вашего позволения, уважаемый доктор, обращусь к вашему государю. – Гулаб повернулся к моему царственному деду: – Николай, дружище, рискую остаться твоим должником до конца жизни, но не мог бы ты *попросить* уважаемого доктора нарушить клятву Гиппократова и зашить руку моего сына без местного наркоза?

Ранбар, который все прекрасно слышал, фыркнул, горделиво выпрямил спину и отвернулся, мой же дед просто хмыкнул:

– Гулаб, как я тебя понимаю! У самого иногда кулаки очень чешутся, а порой и идут в ход. – «Добрый» дедушка глянул в мою сторону: – Да, Алексей?

– Да, государь... – кивнул я, демонстративно потирая грудь.

– Что же касается твоей просьбы, дружище, – продолжил дед, – то как раз сегодня на яхте объявлены учения, максимально приближенные к боевым. Задача для медицинской части экипажа – отработка проведения неотложных операций в полевых условиях при полном отсутствии обезболивающих препаратов. – Император с улыбкой смотрел на врача. – Господин доктор, задача понятна?

– Так точно, ваше императорское величество! – вытянулся тот и щелкнул каблуками.

Пока довольные собой величества в сторонке восхищались «коварством» друг друга, мой отец решил поддержать индийского принца:

– Ранбар, у доктора вместо обезболивающего для тебя всяко найдется грамм двести-триста чистейшего и очень вкусного медицинского спирта! Да и Ванюше никто не запрещал...

– Государь выразил свою волю вполне однозначно, – хмыкнул принц и подмигнул своему сыну Джаю. – Ничего страшного, Саша, потерплю.

– Как знаешь... – кивнул родитель.

Вскоре все, кроме Прохора, Акихито, прихрамывающего Ранбара и корабельного доктора, вновь оказались на яхте, где князь Гримальди уже вовсю выполнял роль букмекерской конторы.

– Царевич, давай по старой схеме, – снова подзуживал меня Кузьмин на ставку. – Самурай нашему Зверю точно не соперник. Можешь даже больше, чем в прошлый раз, поставить, потому как выхлоп будет явно гораздо меньше.

Ваня был абсолютно прав – царственные особы и наследники оценили поражение Ранбара, прикинули шансы Акихито и учли антропометрические данные Прохора, который был выше японского принца на голову и, самое главное, имел большую длину рук. Одним словом, предпочтения благородной публики были в основном на стороне господина Белобородова.

– Бой!..

Очередная «дуэль» кардинально отличалась от предыдущей по стилю – если японский принц полностью придерживался более традиционного для своей родины кэндзюцу с его размашистыми рубящими «от плеча» ударами, то вот Прохор, тоже державший свою катану двумя руками, показывал смесь кэндзюцу с традиционными европейскими техниками, виртуозно отвечая на все атаки Акихито контратаками, состоящими из коротких кистевых уколов и резов. Уже через пару минут после начала поединка рукава рубашки японского принца покрылись кровавыми пятнами от этих самых уколов и резов, но пострадал и воспитатель, не успев сменить сторону от «падающей» катаны японца. Прохор получил легкое ранение левой ноги, но, несмотря на повреждения, оба отказались остановить «дуэль» и воспользоваться профессиональными услугами доктора.

Конец бою положила очередная хитрая контратака воспитателя из, казалось бы, проигрышного положения, и катана Прохора со свистом прочертила на груди Акихито длинную кровавую полосу. Надо отдать должное японскому принцу – он не стал хвататься за грудь, с пренебрежением, написанном на лице, отмахнулся от подскочивших Ранбара и доктора, а потом поклонился Прохору, признав тем самым свое поражение. После ответного поклона «противные стороны» пожали руки и стали обмениваться впечатлениями от недавнего боя под одобрительные выкрики с яхты.

А дальше события пошли по совершенно непредсказуемому сценарию – на пристань со «Звезды» стали прыгать наследники практически всех правящих родов, поздравлять господина Белобородова с двумя такими убедительными победами и буквально требовать от него оказать честь, «сразившись» с каждым из них.

Кузьмин, смотревший на происходящее внизу с легкой усмешкой, не удержался от комментария:

– Я бы тоже на месте принцев начал сильно переживать, что останусь сегодня без колотой или резаной раны на самом видном месте! А Петрович молодец – чутко уловил, что именно требуется собравшейся взыскательной публике. Вот увидишь, царевич, шас принцы, как малые дети, ваши катаны друг у друга начнут отбирать...

Слава богу, до озвученных крайностей не дошло, и виной тому послужило своевременное вмешательство «старших», под влиянием обстоятельств вынужденно объявивших об организации мини-турнира среди наследников с неплохим таким вступительным взносом в три миллиона франков с участника и отличными призовыми за первые три места. Тут же разразился скандал – Ранбар и Акихито, которых все уже списали из-за полученных ранений, в категорической форме потребовали включить их в список участников «мероприятия». В конце кон-

цов требование принцев удовлетворили, и улыбающийся Ранбар стал призывно махать рукой Ванюше, показывая при этом на перемотанного бинтами Акихито.

– Скоро вернусь, царевич, – пообещал мне колдун и сиганул через фальшборт вниз.

Я же направился к компании молодежи, которая встретила меня горящими глазами и эмоциональными разговорами, посвященными прошедшим двум поединкам. Поделившись уже своими впечатлениями и заверив друзей, что нисколько не сомневаюсь в победе своего родителя, пошел к деду Михаилу, который как раз отходил от бара с бокалом коньяка.

– Как дела, деда? – улыбался я, подхватив старика за локоток. – Не скучаешь?

– Есть немного, – хмыкнул он. – Хотя, когда Прошка рубанул по ноге Ранбарку, слегка напрягся. А так... Чего я не видел-то, внучок? Это твоим малолетним друзьям вряд ли еще когда в жизни удастся понаблюдать, как импортные принцы друг в друга острыми железками тыкать будут, а я это еще на границе с Китаем регулярно видал.

– Ты имеешь в виду моего отца и Ранбара?

– И не только их, – опять хмыкнул дед. – Твой отец с братом Колей, Ранбаром, Прошкой, Виталькой Пафнутьевым и Вовой Михеевым там до того в гладиаторов доигрались, что на ножах бои устраивали... – Князь на секунду задумался, а выражение его лица сменилось на хищное. – Слушай, Лешка, тебя же Прошка тоже учил с холодняком обращаться, и ты показывал, как мне помнится, весьма и весьма неплохие результаты. Как думаешь, если тебя сейчас туда заявить, – старик указал в направлении пристани, – каков будет результат?

– Деда, ты забыл, что ли? Меня браслеты практически *не держат*, – улыбался я.

– Точно! – хлопнул он себя по лбу и тяжело вздохнул. – Согласен, тут без вариантов – последует циничное кровавое избиение младенцев! Очень жаль! Очень! И вообще, я расстроился, что царственные особы Прошку решили исключить из турнира, а то была большая вероятность чисто русского финала.

– Не сомневаюсь, – согласился я.

– Но ничего, Лешка, я позабочусь о том, чтобы государь нашего Прохора отблагодарил за сегодняшнее выступление и одержанные победы самым щедрым образом!..

Сам турнир продлился не больше полутра часов, а серьезное сопротивление моему крайне быстрому и резкому от природы родителю оказали только Фатимид и Гогенцоллерн, которые заняли второе и третье места соответственно. Как и предсказывал Кузьмин, израненные и перебинтованные принцы после окончания турнира следовали по трапу в медицинскую каюту с таким гордым, довольным и несломленным видом, будто возвращались на любимую родину с победой над серьезным противником! Главы родов и молодежь, тоже находившиеся в адреналиновом угаре, приветствовали героев бурными аплодисментами и выкриками с мест. Всеобщее ликование не испортило даже отсутствие цветов, венков и подбрасываемых вверх чепчиков.

Когда первые страсти улеглись, а особенно яркие моменты «дуэлей» были обсуждены по два и больше раз, прожженные императоры и короли приступили к подведению итогов деятельности букмекерской конторы имени князя Гримальди. Никогда не питавшего порочной страсти к ставкам, меня результаты весьма порадовали – на круг я заработал чуть больше пятнадцати миллионов франков, и это с учетом того, что ставил на явных фаворитов и один раз даже проиграл! Вернувшись к ожидавшему меня с нетерпением алчному Кузьмину, озвучил результаты и тут же получил ответный комментарий от возбужденного колдуна:

– Царевич, бл@дь, теперь заживем! Каков мой долян? Если не ошибаюсь, больше трех лямов?

– Ваня, – хмыкнул я, – есть предложение...

– Внимательно... – насторожился тот.

– Для тебя не секрет, что я весьма состоятельный молодой человек, – начал я.

– Продолжай... – Кузьмин насторожился еще больше.

– И мне эти деньги погоды не сделают. Но у нас с тобой есть друзья, которых мы можем этими халявными деньгами весьма серьезным образом поддержать...

– Царевич, хватит тянуть кота за все подробности! – зашипел Ванюша. – Оглашай уже конечный расклад!

– Короче, весь наш выигрыш делится между тобой, Владимиром Ивановичем и Прохором, только Прохору достается пятьдесят процентов от выигрыша, как главному... зачинщику, а вам с Михеевым по двадцать пять. Как тебе такой расклад?

Ваня замер, а на его лице отразились отголоски активной мозговой деятельности, связанной с производением сложных математических вычислений. Наконец колдун отмер и растянул губы в широкой улыбке:

– Царевич, у меня же было всего двадцать копеек, а стало двадцать пять! Ляксандрыч, отец родной! Век не забуду! И детишек своих с жинкой буду воспитывать в любви и уважении к твоей, вне всякого сомнения, великой и щедрой личности!..

Через полчаса главы правящих родов собрались «сходить на берег» по причине позднего времени, а «защитые», вновь забинтованные и обряженные в выданные щедрым доктором тельняшки наследники, которых якобы начал отпускать наркоз после операций, остались на яхте и приступили к вдумчивому общению под коньячок. Молодежь тоже осталась на яхте и внимательно прислушивалась к разговорам старшего поколения, связанным со всякими интересными случаями применения холодного оружия. Больше же всех молодых людей порадовал слегка перебравший «сакэ» японский принц Акихито, прилюдно пообещавший после снятия бинтов научить нас всех «настоящему искусству заточки мечей»...

Особист «Звезды», обряженный в костюм официанта, преданно смотрел в глаза адмирала:

– Валентин Сергеевич, на чье имя экипажу рапорты по итогам сегодняшнего приема составлять? На ваше или сразу на имя господина Кузьмина?

Варушкин тяжело вздохнул:

– Очень своевременный и правильный вопрос, дорогой ты мой человек... Давай прикинем: если напишут на мое, мы с тобой по возвращении на родину как бы обязаны будем эти рапорта передать по команде дальше... Так?

– Так...

– Но сделать нам этого не дадут те же самые Кузьмин и Белобородов уже здесь. Правильно?

– Правильно, Валентин Сергеевич, – кивнул капдва. – Еще и очередные страшные бумажки заставят подписать после всего того, что мы тут сегодня наблюдали... Так зачем... прошу прощения, гусей дразнить, если можно сразу рапортины на имя кого-нибудь из этих двух канцелярских оформить?

Адмирал задумался на несколько мгновений, а потом посветлел лицом:

– После всего увиденного, говоришь?.. Слушай приказ: личному составу рапортины оформлять сразу на имя его императорского высочества Александра Николаевича, а там пусть сами разбираются. Подписки же о неразглашении увиденного сегодня собери с экипажа сам, и вот уже эти подписки потом отдашь Кузьмину. И всю эту писанину по своему учету не проводи, чтобы нас по возвращении свои же за хобот не прихватили.

– Будет исполнено, ваше превосходительство! – с облегчением выдохнул особист...

Проснувшийся еще засветло кардинал Римской католической церкви с удовлетворением читал с экрана смартфона пришедшие ночью два кратких сообщения с разных номеров. Сообщения содержали только по одному одинаковому символу «+».

Первый «+» означал, что вопрос с понтификом решен положительно, второй же указывал на успешную подготовку к провокации в Испании, должной отвлечь великого принца Алексея Романова от Ватикана хоть на какое-то время...

Глава 3

По раннему времени в особняке великого князя Алексея Александровича стояла тишина – рабочие, занимавшиеся ремонтом, должны были появиться только к восьми часам утра, – поэтому Пафнутьев Виталий Борисович с огромным удовольствием прошелся по центральной дорожке до крыльца дома под хруст выпавшего ночью свежего снега. Алексия, старшая дочь, встретила главу Тайной канцелярии в темной гостиной и тут же предложила отцу пройти в столовую, где пообещала напоить его кофе собственного приготовления. Больше пятнадцати минут отец с дочерью блюли приличия – маленькими глотками пили обжигающий напиток и вели разговоры о семейных делах, – пока наконец Виталий Борисович не взглянул демонстративно на часы и не поинтересовался у дочери:

– Лесенька, зачем звала? Что-то случилось?

Девушка хихикнула и с упреком произнесла:

– Папа, почему сразу случилось? Могу я, в конце концов, просто по тебе соскучиться?

Пафнутьев обозначил улыбку:

– Мы с тобой, доченька, виделись четыре дня назад, когда я в вашем внезапно ставшем очень модным и дорогим квартале вопросы по поручению Романовых решал. Так что случилось?

Вместо ответа Алексия, принявшая таинственный вид, поднялась из-за стола и, не удержавшись, улыбнулась:

– Пойдем за мной, папа, кое-что тебе покажу...

Они прошли в темную гостиную, освещенную через большие окна лишь уличными фонарями, девушка щелкнула выключателем, вспыхнула люстра, Алексия указала рукой на дальний угол, и у Виталия Борисовича от неожиданности слегка отвисла челюсть – всю стену слева от лестницы занимал огромный аквариум примерно на десять тысяч литров!

– Чтоб меня!.. – не удержался от возгласа Пафнутьев и сделал несколько неуверенных шагов навстречу «чуду».

Красивая мягкая подсветка, задний фон в виде эпичной битвы двух драконов, великолепное оформление водоема в японском стиле с бонсай, камнями и мхом! При ближайшем рассмотрении Виталий Борисович оценил и профессиональное оборудование, и, самое главное, жителей аквариума – дорогущих и редких рыбок самых разнообразных окрасок!

– Чтоб меня!.. – повторил Пафнутьев. – Откуда *это* здесь, доча?

– Подарок правящего рода Японии нашему Алексею за какие-то там услуги, – с готовностью пояснила довольная произведенным эффектом девушка. – Позавчера из японского посольства привезли сам аквариум, подготовили воду, а вчера пожилой японец с двумя помощниками весь день занимался установкой оборудования и, собственно, запуском рыбок. Папа, не переживай, все делалось под постоянным контролем со стороны дворцовых. И еще одно, папа... Звонил великий князь Николай Николаевич и передал просьбу японского наследника не сообщать Алексею о подарке, мол, пусть это будет для молодого человека сюрпризом.

– Уже и с японцами успел дела обтяпать наш пострел... – хмыкнул глава Тайной канцелярии. – А кто за аквариумом у вас сейчас присматривает? Ну, кормежка там, чистка стенок и фильтров, замена воды, проверка стабильности работы оборудования?

– Неделю обещал всем заниматься тот пожилой японец, но он просил срочно найти хорошего специалиста, чтобы уже тот присматривал за аквариумом. Вот я о тебе, папа, сразу и подумала...

– Правильно ты подумала, Лесенька, – кивнул Пафнутьев. – Когда, говоришь, этот японец обещал приехать в следующий раз?

– Сегодня в четырнадцать.

– Сегодня в четырнадцать... – задумчиво протянул канцелярский и вновь взглянул на наручные часы.

Алексия, прекрасно знавшая своего приемного родителя, тут же предложила:

– В одном из кабинетов на втором этаже тебе будет ожидать японца, конечно же, удобнее, но ты можешь расположиться и в гостиной – просто попроси дворцовых принести тебе стол и кресло из бильярдной.

Виталий Борисович кивнул:

– Как вариант. – И, не отрывая взгляда от аквариума, попросил: – Доча, яичницу с ветчиной сообразишь, раз уж выпала такая оказия?

– Десять минут... И не забудь в контору позвонить и предупредить, что ты сегодня работаешь на выезде.

– Точно! – Пафнутьев полез в карман за телефоном, но потом передумал. – Сначала с дежурной сменой дворцовых вопросы решу, потом своими сотрудниками займусь...

В десять часов утра, как раз после «оперативки», Виталий Борисович неожиданно даже для себя оказался на прогулке с маленькими Прохором и Виталиком Кузьмиными. Два подрастающих колдуна с их по-детски активными играми в салки, снежки и лепку снеговика поневоле заставили вспомнить Пафнутьева те счастливые времена, когда он точно так же возился с собственными детьми. Так что, когда два «малолетних бандита» буквально потребовали от «дяди Виталика» погулять с ними еще и вечером, глава Тайной канцелярии не захотел «племянничкам» отказывать...

Господин Ватанабэ, второй по значимости аквариумист правящего рода Японии, как и обещал, прибыл в особняк ровно в два часа дня и был приятно удивлен познаниями и опытом предоставленного русскими аквариумиста по фамилии Чернов. Вместе они провели больше двух часов в приятном общении, и господин Ватанабэ не смог отказать господину Чернову в приглашении на домашний ужин – русский обмолвился, что у него есть уникальная платиновая арована.

Проводив господина Ватанабэ, «господин Чернов» достал телефон и набрал нужного абонента:

– Слушай меня внимательно, Федор Саныч! Бросай не сильно важные текущие дела, бери своих спецов со всем оборудованием, срочно езжай на мою квартиру и заряжай ее по полной... Да, ты не ослышался, заряжай именно мою квартиру. Супругу и детей я предупрежу. И пару своих спецов на всякий пожарный пристрой к охране дома, бойцы будут в курсе... Все, работай...

Информацию о том, что понтифик серьезно заболел и находится чуть ли не при смерти, донес по телефону до моего царственного деда князь Гримальди. Так что я был срочно разбужен, «под конвоем» доставлен в гостиную на первый этаж нашего номера прямо в труселях и подвергнут «жесткому допросу»:

– Алексей, ты на эмоциях Сфорцу, случаем, не того?.. – Дед смотрел на меня подозрительным взглядом и одновременно изображал рукой нечто непонятное. – Как меня тогда?..

Таковыми же подозрительными взглядами меня буквально прожигали царственная бабка, дед Владимир, дед Михаил и отец, лицо которого после веселых ночных посиделок на яхте имело слегка зеленоватый оттенок.

– Не того, – твердо заявил я, отрицательно помотав головой. – Не скрою, желание присутствовало, но точно нет.

Однако подозрение во взглядах не исчезло, а мне был задан следующий вопрос:

– Может, старший Медичи перестарался и на физическом плане повредил понтифику внутренние органы?

– Тоже нет. – Я опять помотал головой, отгоняя от себя остатки сна. – Умберто тоже держал себя в рамках, а я потом еще папу проверил, когда мы его в собственные покои возвращали – все с избитым Сфорца было в порядке.

Царственный дед нахмурился:

– А что тогда происходит? В такие совпадения я не верю...

Остальные родичи поддержали главу рода, а итог подвел князь Пожарский:

– Или мы не слишком чисто провели мероприятие, или утекло от Медичи, или понтифик сам где-то подставился, начав слишком неосторожно выполнять наши условия. В любом случае, уважаемые дамы и господа, мы с вами в самом скором времени рискуем оказаться в той же самой точке, что и до беседы с папой.

Общее угрюмое молчание было князю ответом. Через минуту не выдержала императрица:

– Дорогой, мы же не будем сидеть сложа руки? Надо же что-то предпринимать, иначе рискуем постоянно отрабатывать статистами в этой дурной театральной постановке!

– Мама абсолютно права! – буркнул мой родитель, поморщился и многозначительно посмотрел на меня: – Сынок, а ты сможешь... отсюда *достать* до папских покоев, чтобы посмотреть... состояние Сфорца?

– Смогу, – кивнул я. – Только сначала выпью стакан воды, приготовлю себе кофе, а потом приведу тебя, любимый папахен, в порядок. И уже в последнюю очередь гляну Сфорца.

– Я в порядке... – родитель опустил глаза. – Скоро приду в себя...

Хмыкнув, повернулся к старшим родичам:

– Дорогие мои и любимые, ни у кого нет желания слегка восстановить работу печени и поджелудочной железы после регулярных и чрезмерных злоупотреблений алкоголем и жирной пищей?

Первым, как на плацу, шаг вперед сделал дед Владимир, в глазах которого читалось огромное любопытство:

– Я готов!

Дед Николай и дед Михаил, как и бабушка Маша, просто кивнули.

Пока готовил кофе, предупредил любимых родичей о последствиях «лечения» в виде легкого жжения в районе искомых органов и «неприличных» для особ голубых кровей «суетливых» бегунков. Меня заверили, что «особы голубых кровей» все стойко перетерпят, лишь бы процедура дала положительные результаты, а царственная бабка добавила:

– Вернемся на родину, и ты, Алексей, нашим мужчинам, особенно своим братьям, еще раз подобный детокс устроишь! А то Коляшка с Шуркой только и делают, что, простите за выражение, постоянно бухают! И ты, внучок, от братьев своих не сильно-то и отстаешь!

Я на это хмыкнул и, как был в труселях, низко поклонился:

– Как будет угодно вашему императорскому величеству!

«Детокс» старшего поколения прошел без проблем, и три моих деда с бабкой быстро «навели суету» в гостиной, но больше всех «досталось» любимому родителю – помимо алкогольной «чумы», печени и поджелудки, я пристальное внимание обратил на полученные им ночью легкие резаные раны на руках и груди, и отец, шипя от активного жжения, гостиной не ограничился и выскочил на балкон, где тут же приступил к выполнению полного комплекса гимнастики Гермеса. Я же, избавившись наконец от внимания родичей, допил холодный кофе, уселся в кресле и приступил к *изучению образа* понтифика.

Увиденное мне не понравилось от слова совсем! И дело было даже не в том, что доспех Сфорца с рвущимися на глазах энергетическими связями представлял собой печальное зре-

лице, а в том, что основная *чернота* скопилась в районе головы папы, и именно с головы эта чернота растекалась по всему телу.

Сука! И как мне интерпретировать свои ощущения? Такое нам в лицее на уроках биологии и основах военно-полевой медицины не преподавали, да и Прохор на наших с ним содержательных «факультативных» занятиях о подобном не рассказывал! Звонить Ванюше Кузьмину? Тоже не вариант – Ваня в доспехах разбирается еще меньше меня и так же, как и я, диагноз Сфорца может поставить, основываясь лишь на догадках и предположениях. Соня! Вот кто с большой долей вероятности влет перечислит причины появления у папы «черноты» и последствия ее разрушительной деятельности. Но вовлекать свою будущую жену в подобные дела я не собирался! И хер с ним, с важнейшим источником информации, коим являлся Сфорца, чье пребывание на грешной земле, как подсказывала чуйка, не продлится больше пары-тройки дней.

Сука! Мне что, еще и основы медицины ко всем прочим обещанным родителем предметам прикажете изучать? Тогда совсем времени на отдых и личную жизнь не останется! Лучше тешить себя надеждой, что слова Кузьмина о всесиилии воображения все-таки являются панацеей от всех болезней, и стоит мне только захотеть, как...

Темп!..

Попытка максимально *настроиться* на понтифика привела к пониманию, что я могу лишь на время замедлить экспансию «черноты» по доспеху Сфорца, но вот кардинально вылечить нужного мне церковника не в состоянии. Если только...

Нет! Правило является очень плохой идеей! И дело даже не в том, что понтифик, при древности и природной силе его-то рода, в бессознательном состоянии разнесет не только свои покои, высотное здание, в котором эти покои находятся, и дома рядом, похоронив кучу ни в чем не повинных людей. Плохой идея была по другой причине – *чуйка* сигналила, что мозги Сфорца я восстановить не в состоянии даже правилом. Без мозгов же понтифик мне был абсолютно бесполезен...

Твою же бога душу мать!!! Вот что мне помешало узнать у папы имена хотя бы самых главных колдунов Ватикана прямо во время позавчерашнего допроса? Сейчас бы уже сидел и ознакамливался с предоставленными нашими спецслужбами досье этих мутных деятелей! Сука! Ваня оказался прав – записей в моем личном деле пока явно недостаточно! Но в свое оправдание можно отметить, что все из себя такие опытные в подобных делах родичи тоже лопухнулись – могли же подсказать, направить, так сказать, на путь истинный начинающего дознавателя Алексея Александровича Романова! Пока же имеем, что имеем, и другого выхода, кроме посещения Рима и банальной «ловли на живца», этот самый дознаватель-недоучка пока не видел...

Отчет родичам не занял много времени, а мое предположение, что Сфорцу, скорее всего, отравили, не вызвало у них практически никакой реакции, кроме тяжелых вздохов. Обратной была реакция на мое предложение о тайном посещении Ватикана с активным допросом пары-тройки тамошних колдунов:

– Думать забудь! – размахивая руками, орал на меня царственный дед. – Только через мой труп! Сгинуть за просто так вздумал! Не бывать такому! Не позволю!!!

– Чего удумал, подлец! – шипела царственная бабка.

– На родину его надо отправлять! – не отставал дед Владимир. – Совсем от рук отбился! Дед Михаил же был, напротив, ласков до приторности:

– Внучок, тебе меня что, совсем не жалко? Я тебя не для того растил, чтобы ты так бездарно сдох на чужбине!

Один только отец молчал и оценивающе меня разглядывал, а когда наконец старшие родичи «выдохлись», спокойно заявил:

– А Лешкина идея-то не так уж и плоха... Особенно если с сыном в Рим поедут все присутствующие в Монако колдуны, в том числе оба индеец и японец. Предлагаю даже никого из этих тварей католических не допрашивать, а просто валить наглухо всех тамошних колдунов без разбора.

Фокус внимания и осуждения резко сместился с моей скромной персоны на «готового пожертвовать сыном и будущим России» цесаревича, и я под вопли трех стариков и одной вредной до крайности старушки спокойно направился в спальню приводить себя в порядок...

За обедом настроение мое не улучшилось – любимый Прохор изволил обижаться. Причины такого поведения воспитателя объяснил мне довольный жизнью Ванюша:

– Царевич, не обращай внимания! Это наш скромный бессребреник так бурно реагирует на очередные, по его мнению, незаслуженно свалившиеся на него огромные миллионы. При этом совершенно забывая, что у него скоро свадьба, а будущую жену-красавицу надо холить и лелеять. А там еще маленькие Прохоры нарождаются, пеленки-подгузники, ясли-садики-лицей... Потом захочется нормальных жилищных условий, желательно поближе к любимому царевичу, и небольшую усадьбу под Москвой гектаров эдак на пару с фруктовым садом и фонтаном во дворе. Короче, Петрович, завязывай с меланхолией и начинай уже относиться философски к свалившемуся на тебя богатству.

Прохор на это только буркнул:

– Не жили богато, и нехер начинать...

Очередное препирательство друзей длилось еще какое-то время, но гордый воспитатель все же отошел и в категорической форме потребовал от меня «больше так не делать». Пришлось пообещать и тут же прикинуть, что в будущем для подобных вещей можно использовать другую схему – действовать через родителя, который просто *прикажет* Прохору принять имущество или крупную сумму денег в личное пользование. Тут уж гордому Прохору деваться будет некуда...

На пляж я заявился в компании радостно прыгающего вокруг меня Баюна, ставшего тут же звездой нашей пляжной пати. Девушки мигом присвоили себе «милого котика» и дружно повели его купаться, а молодые люди, воспользовавшись отсутствием представительниц прекрасного пола, сразу пристали ко мне с просьбой о проведении Прохором пары тренировок по владению холодным оружием.

– Даже и не знаю... – хмурился я. – Прохор Петрович сегодня не в духе из-за того, что его ночью до основного турнира не допустили.

– Алексей!.. – Не хотели ничего слушать родовитые и не очень отпрыски знаменитых родов. – Нам уже надоело просто пить, купаться и загорать! Всего полчаса! Ну, часик от силы!

– Переговорю, – кивнул я и направился в другую часть пляжа, где «чилили» Петровы, Михеевы и Прохор с Ваней.

Переговоры длились недолго, и обреченно вздохнувший воспитатель пошагал за мной, бормоча при этом:

– Сынка, а чего ты сам этим мажорам пару хитрых и зрелищных финтов какой-нибудь шваброй не показал? Или столовым ножом? Или вилкой, после которой четыре дырки? А я бы в это время спокойно кости на лежаке грел...

– Ты у них сейчас после яхты в авторитете, – ухмыльнулся я. – Так что изволь соответствовать.

– Есть соответствовать, ваше императорское высочество...

«Тренировка» началась с показательных выступлений – внезапно появившийся в руке воспитателя десантный тесак, казалось, зажил собственной жизнью, порхая на огромной ско-

рости из одной кисти Прохора в другую и выделявая при этом такие замысловатые траектории, что от отблесков зазубренного лезвия у «публики» рябило в глазах. Закончив с показательными выступлениями и сорвав бурные и продолжительные аплодисменты с восторженными выкриками с мест, воспитатель неожиданно для всех подозвал к себе Сашку Петрова, протянул ему нож и приказал:

– Александр, нападай!

Сашка и напал, да так, что у не ожидавшей ничего подобного от скромного художника публики случился разрыв шаблона – Петров, уверенно сжавший нож прямым хватом, обозначил атаку в район плеча Прохора, но резко опустил на «нижний этаж» и полоснул «зазевавшегося» воспитателя ножом по бедру.

– Попал! – зафиксировал Прохор на русском.

Продолжая постоянно перемещаться и держа нож только перед собой, Сашка ударил в район низа живота, но, нарвавшись на блок, полоснул на отходе воспитателя по запястью.

– Попал!

Обратный хват, постоянные перемещения, и атака в район шеи...

– Попал!

Прямой хват, атака в район груди с резким уходом в район внутренней части бедра.

– Попал!

Перехват ножа левой рукой с одновременной сменой стойки на левостороннюю...

– Попал!

– Попал!..

Прохор, конечно же, Шурке поддавался, как поддавался он нам и в детстве, но все равно учебный бой смотрелся зрелищно даже для искушенной публики, коими являлись и принцы, и наши отечественные княжичи. Самое же главное – скромный художник Петров демонстрировал такую наработанную технику ножевого боя, что назвать его новичком язык ни у кого не поворачивался.

– Закончили! – скомандовал Прохор и похвалил Шурку: – Молодец!

К поздравлениям тут же присоединились и все остальные молодые люди. Художнику даже начали высказывать шуточные претензии, подозревая его в сокрытии отдельных моментов своего, вне всяких сомнений, «темного прошлого», и длилось бы это достаточно долго, но вмешался воспитатель:

– Внимание, молодые люди! Подведем промежуточные итоги. Запоминаем основы ножевого боя. Первое: это нож защищает нас, а не мы – нож! Поэтому не надо отводить его в сторону, за себя и тем более прятать за спиной. Необходимо постоянно держать острие только перед собой! Вот так... – Прохор показал. – Второе, мы постоянно передвигаемся, ноги полусогнуты в коленях, рука с ножом тоже не должна быть статична и зажата, готова к выпадку, а сам клинок – всегда направлен в сторону противника. – И вновь демонстрация. – Третье: никаких длинных замахов перед ударом, никаких отведений ножа в сторону! Это вам не академическая гребля! Работаем короткими, резкими движениями по разным векторам, разным уровням. Всегда готовы к резкому сокращению дистанции с противником и к ее разрыву с уклонением. Никогда не забываем про защиту. Вот так, так и так... Всем все понятно?... Вопросы? Отлично! А теперь возьмите в баре то, что ножами называется лишь по недоразумению, и приступим к закреплению полученных знаний практикой...

На практические занятия я не остался – ко мне прискакал мокрый после купания Баюн и «потребовал» повышенного внимания от хозяина. Отказать коту, понятно, я не смог, тем более завтра днем цирк братьев Запашных возвращался после французских гастролей в Москву. Раздевшись, зашел в море вместе с Баюном и устроил в воде игрища с заплывами на скорость, догонялками и «исчезновениями» – нырял, а всплывал в другом месте. Судя по моим ощущениям, котяра остался безмерно доволен оказываемым вниманием, играми и купанием и,

оказавшись на берегу, развалился недалеко от меня в тенечке и принялся приводить себя в порядок при помощи своего шершавого языка. Особенно прекрасно существование у Баюна стало после принесенной мной кастрюльки с водой. А потом у меня без умолку стал пищать телефон – наши красавицы разместили в общем чате видяшки со своим участием и Баюном, и, понятно, все девушки, находящиеся сейчас в холодной Москве, посчитали своим долгом высказать соответствующие восторги.

Еще через какое-то время ко мне подошли младшие Михеевы и Димка Петров. Последний, пользуясь нашим с ним близким знакомством, и озвучил просьбу:

– Алексей, разреши нам поиграть с Баюном! Пожалуйста!

– Мучить kota не будете? – напустив на себя строгий вид, поинтересовался я.

– Нет! – дружно заявили они, а Машенька Михеева добавила: – Котик хороший! Котиков обижать нельзя!

– Забирайте!

И в очередной раз *приказал* «жертве всеобщей любви» вести себя прилично...

Около пяти часов вечера повел провожать Баюна до приехавшей за ним машины. Прощался с котом долго, а он, подлец, как будто почувствовав разлуку, категорически не желал залезать в клетку, устроив мне целый концерт с вылизыванием лица, покусыванием рук, мявами и рыками. Когда машина отъехала, я утер скупую мужскую слезу, достал телефон, набрал младшего Западного и продиктовал свои рекомендации по уходу за Баюном...

К надоевшему до чертиков театру мы с Колей тем не менее подъезжали с улыбками – брат мне всю дорогу рассказывал в лицах подробности про их тренировки под руководством Прохора.

– Парни-то еще куда ни шло! А когда к нам присоединились девушки, специально не пожелавшие накидывать на себя свои пляжные платица и оставшиеся в открытых купальниках, все и началось!.. Ты бы видел перекошенное лицо воспитателя – вроде он главный, а замечание сделать Бурбон, Гримальди, Савойской, Демидовой, Долгорукой, Шереметьевой, Хачатурян стесняется! Мучился Прохор, кривился, но терпел безобразие, ведь, как назло, рядом не оказалось его любимого сынки, который ситуацию разрулил бы одним взглядом, брошенным в сторону распоясавшихся красавиц! Выручил Прохора наш брат-шутник Александр, во всеуслышание предложивший устроить показательные смешанные бои «мальчик-девочка» на раздевание. Предложение не только встретило самый живой отклик со стороны молодых людей, но и было активно поддержано растерявшим всякую педагогичность Прохором. В среде наших амазонок инициатива понимания не встретила, но намек был понят, и девушки соизволили прикрыть свои роскошные формы. Через пять минут тренировка, к сожалению, утратила свой эротический флер, превратившись в скучное закрепление полученных навыков...

Подъем по лестнице ко входу в театр в этот раз не обошелся без неожиданностей...

– Ваше императорское высочество! – услышал я справа от себя смутно знакомый женский голос с заметным немецким акцентом, которым произносился наш с Николаем титул на русском. – Ваше императорское высочество! Алексей Александрович!

Остановившись, повернулся в сторону голоса и в первом ряду среди ожидавших своей очереди пройти на тусовку в театр представителей европейского света заметил баронессу фон Мольтке, активно махавшую мне рукой.

Твою же!.. Что у отцовской пассии могло случиться такого, что она вот так открыто обращается ко мне, а не к моему родителю? И что за дурацкий акцент? Помнится, на яхте никакого акцента у Александры не наблюдалось. Ладно, гадать не будем...

Сделав несколько шагов к той незаметной линии, которую представители европейского света не пересекали, я остановился, изобразил учтивую улыбку и поинтересовался на русском у великолепно выглядевшей в черном вечернем платье баронессы:

– Прошу прощения, прекрасная незнакомка, это вы меня звали?

– Я, ваше императорское высочество... – Александра потупила взор и изобразила книксен.

Стоявшие рядом с ней дамы тоже присели, а мужчины поклонились. Я продолжал улыбаться:

– Представьтесь, пожалуйста, прекрасная незнакомка.

– Баронесса Александра фон Мольтке, ваше императорское высочество! Ваша соотечественница, ныне являющаяся подданной германского императора.

– Соотечественница? Чем же я могу помочь вам, Александра?

– Ваше высочество, – «Мата Хари» перешла на немецкий, – прошу простить меня за дерзость, но не могли бы вы открыть для всех здесь присутствующих завесу тайны, а именно, почему практически все наследные принцы явились сегодня в театр в повязках, которые они безуспешно пытаются скрыть под костюмами, а некоторые принцы к тому же и хромают?

На площади перед театром установилась звенящая тишина – перестали дышать даже те, кто физически не мог слышать наш с баронессой разговор, но понимали, что происходит нечто интересное!

– Прямо и не знаю, Александра, вправе ли я разглашать подобную информацию... – «задумался» я. – Разве что соотечественнице, да и то по большому секрету...

Фон Мольтке игру поддержала:

– Я никому не расскажу, ваше высочество! Обещаю!

– Хорошо... Дело в том, Александра, что со стороны может создаться превратное впечатление о праздном образе жизни представителей правящих родов, собравшихся в эти дни на Лазурном побережье якобы на отдых. Однако это лишь верхушка айсберга, а на самом деле в Монако постоянно идут напряженные межгосударственные переговоры и консультации на самом высоком уровне, и не всегда эти переговоры с консультациями приводят к взаимному удовлетворению сторон. Как следствие – неизбежный стресс у представителей правящих родов, – проникновенно вещал я. – Все знают, что лучший отдых – это смена деятельности, вот принцы и решили устроить турнир по фехтованию на японских мечах, любезно предоставленных императором Японии Нарухито. Чтобы отдых стал полноценным, принцы фехтовали заточенными до состояния бритвы катанами и с использованием браслетов, отсюда и повязки. Скажу вам больше, Александра, – я «тайнственно» понизил голос, – после окончания турнира всем без исключения участникам пришлось зашивать резаные раны.

После моих слов круглыми стали глаза не только у фон Мольтке, но и у большинства стоявших в толпе дам. Мужчины реагировали по-другому: они переглядывались друг с другом и многозначительно кивали.

– Александра, я удовлетворил ваше любопытство?

– Ваше высочество, – отмерла баронесса, – а кто стал победителем турнира?

– Неважно, кто победил, – продолжил вещать я. – Главное, участники и зрители получили огромное удовольствие от турнира и хоть на один вечер отвлеклись от решения важных государственных задач.

Фон Мольтке опять изобразила книксен:

– Огромное спасибо, ваше высочество, что удовлетворили любопытство соотечественницы!

– Александра, для соотечественников любой каприз! – широко улыбнулся я. – Особенно для таких очаровательных!

Я уже собрался кивнуть и продолжить свой путь по лестнице, но баронесса вновь меня остановила:

– Ваше высочество, у меня будет еще одна просьба...

– Внимательно слушаю.

– Я сегодня сняла на вечер ресторан при отеле «Негреску» и была бы счастлива, если бы вы, ваше высочество, вместе со своими друзьями приняли приглашение на эту вечеринку.

В этот раз фон Мольтке не ограничилась книксеном, а низко поклонилась.

– Ресторан при отеле «Негреску»? – задумчиво протянул я. – Это тот ресторан, у которого летняя веранда на Английской набережной?

– Да, ваше высочество.

– Отличный выбор, Александра! Договоримся следующим образом: я переговорю со своими друзьями, а ответ вам озвучу в антракте.

– Спасибо, ваше высочество! И, прошу вас, не утруждайте себя поисками моей скромной персоны, я сама найду вас в антракте...

Двусмысленность высказывания баронесса подчеркнула озорным высверком своих ярких голубых глаз! Глубокий же поклон свидетельствовал, что «аудиенция» окончена.

– До встречи, Александра! – кивнул я, мысленно завидуя родителю. – Дамы! Господа! Хорошего вечера!

– И вам, ваше высочество!.. – европейский свет дружно поклонился.

Я же вернулся к ожидавшим меня Николаю, Александру и Изабелле, с улыбкой глянул на стоявших на три ступеньки ниже Прохора с Иваном, на лицах которых было невозможно прочесть отношение к произошедшему, и тут же попал под перекрестный допрос:

– Леха, тебя что, на милф потянуло? – ухмыльнулся Шура, тут же получивший тычок локтем от Изабеллы. – У вас там прямо все искрило!

– Да, Леха, чего эта красotka хотела? – хмыкал Николай. – Судя по ее низким поклонам и учитывая глубину декольте, роскошная мадама добилась своего?

Тут своим долгом посчитала вмешаться Изабелла:

– Николай! Александр! Фи! Как ты, Шура, выразился, роскошную мадам зовут баронесса Александра фон Мольтке, она немка! И баронесса является одной из самых влиятельных светских львиц Европы. Что же касается ее поведения, то Александра к сожалению вдова и... может себе позволить некоторые... фривольности.

Вот и информация, так сказать, из первых рук... Как бы при таком фривольном поведении баронессы меня автоматом не записали в ее любовники. Хотя... репутации самой фон Мольтке это пойдет только в плюс, да и моей, пожалуй, тоже...

Вслух же я озвучил другое:

– Мы с вами от баронессы получили приглашение на афтерпати в ресторан при отеле «Негреску». Изабелла, как думаешь, нам стоит посетить означенное мероприятие?

Испанка, довольная тем, что с ней советуются по такому поводу, с важным видом кивнула:

– Безусловно, стоит, Алексей! Вечеринки Александры всегда проходят с большим размахом и потом еще долго обсуждаются в обществе.

– Что ж, можно и заглянуть на огонек... Но с отцом все же надо будет обязательно посоветоваться... – протянул я.

Глава 4

Первым делом, когда мы оказались в театре, я отправился в сторону старших родичей, которые уже всю общались с представителями других правящих родов. Отца мне отозвать в сторону удалось лишь спустя пару минут – ради этого ему пришлось прервать разговор с египетским наследником.

– Что случилось? – спросил у меня он.

Раздражения как в словах, так и на лице родителя я не заметил и спокойно начал доклад:

– Меня на лестнице при входе в театр прилюдно остановила некая баронесса Александра фон Мольтке, представившаяся нашей соотечественницей.

– Так... – напрягся родитель. – Продолжай.

– Сначала она поинтересовалась причиной травм у наследников, на которые, как выяснилось, обратил внимание и весь остальной европейский свет. Объяснил произошедшее не банальной пьянкой и последовавшей за ней поножовщиной, а активным отдыхом принцев после напряженных межгосударственных переговоров.

– Что характерно, так и было, – кивнул отец. – Но это же ещё не всё?

– Не всё, – хмыкнул я. – Получив ответ на свой вопрос, эта баронесса имела наглость пригласить через меня всю нашу молодёжь на вечеринку в ресторан при отеле Негреску, которая пройдёт сразу же после окончания мероприятия в театре. Я обещал подумать и переговорить с остальными молодыми людьми. Причём Изабелла Савойская уже порекомендовала нам с братьями посетить данную вечеринку, отозвавшись о фон Мольтке как о известной и влиятельной в европейских кругах светской львице, чьи вечеринки достаточно высоко котируются, а потом еще долго обсуждаются.

– Что сам думаешь? – родитель изогнул бровь.

– Думаю сходить, – опять хмыкнул я. – Невежливо отклонять предложение такой красивой соотечественницы. Но при этом меня не покидает ощущение, что на самом деле баронесса хотела видеть на своей вечеринке совсем другого человека. У тебя нет такого ощущения, отец?

– Это ты у нас специалист по ощущениям, – буркнул он. – Считаю, моё согласие на посещение тобой, Колей и Сашей вечеринки немецкой светской львицы ты получил, со старшими родичами вопрос согласую. Ещё что-то?

«Специалист по ощущениям» прислушался к себе и ответил:

– Отец, ты же не будешь против, если баронессу, обещавшую найти меня в антракте, я представлю тебе и государю с государыней? – И, заметив, что отец пытается мне что-то сказать, продолжил: – Уверен, ты тогда тоже обязательно получишь приглашение на эту вечеринку.

– Неужели?

– Гарантирую. Поэтому советую тебе прямо сейчас начать предпринимать шаги к тому, чтобы эту вечеринку обсуждали в европейском свете как можно дольше.

Родителя оставил в глубоких раздумьях, сам же направился к компании нашей молодёжи.

Оказалось, что никому и ничего рассказывать было не нужно – Александр с Николаем и Изабелла уже поделились с молодыми людьми соответствующими новостями, так что девушки меня встретили волнующими их злободневными вопросами:

– Алексей, ты же примешь приглашение этой баронессы? А то Монако нам уже слегка приелось. Ева, Кристина, без обид!

– А кальяны там будут, как в прошлый раз?

– А что там насчёт других приглашённых? Небось одни старички и старушки?

– А какая музыка планируется?

– А можно будет после ресторана сходить на какую-нибудь дискотеку в Ницце?

В результате переговоров, как раз к третьему звонку, высокие договаривающиеся стороны пришли к следующему: кальяны должны наличествовать в любом случае, за музыку будет отвечать ди-джей из «Джимис», а после ресторана мы обязательно пойдём на какую-нибудь дискотеку в Ницце.

Во время самого спектакля я был принудительно посажен царственной бабкой рядом с собой и подвергнут допросу – отец уже доложил государю с государыней о полученном приглашении. Оказалось, что мои старшие родственники успели перекинуться с князем Гримальди парой слов о личности баронессы фон Мольтке и получили достаточно положительные рекомендации. Пожелания бабуля озвучила стандартные:

– Алексей, – не отрывая взгляда от сцены, тихонько бубнила она, – веди себя прилично, за братьями своими присмотри. И не забудь, что если в Монако к твоим выходкам уже все привыкли, то в Ницце тебя могут не понять и сделать неправильные выводы.

– Конечно, бабушка, – покорно кивал я.

– И за русской молодёжью тоже присмотри, иначе станут героями и героинями сплетен европейского общества.

– И чего такого? – искренне изумился я. – Про меня вон тоже чего только в газетах не писали, и что? Жив, здоров и готов к новым свершениям.

– Ты своих друзей и подружек на одну доску с собой не ставь, свершитель! Что позволено Цезарю – не позволено быку! Ты услышал меня?

– Услышал, бабушка... За молодёжью присмотрю. А если кто из европейской шушеры слухи какие будет недостоверные про нас распускать, я тебе обещаю – попрошу Алексея Петровича Нарышкина источник сплетен установить, выделю время в своём плотном графике, лично сволочугу навещу и язык поганый вырву.

Императрица повернулась ко мне и холодно, глядя прямо в глаза, с усмешкой заявила:

– Лёшка Нарышкин и так занимается постоянным мониторингом ситуации в аристократических кругах Европы, и слухи мимо него не проходят, особенно такие. Так что ты, внучок, особо не переживай – цели, если таковые будут, я тебе сама укажу...

Тут как раз закончился очередной балетный номер, зал заплодировал, мы с бабушкой на автомате тоже принялись хлопать, а мне в голову пришла неожиданная мысль: это ж через сколько людей бабуля в своей жизни переступила, чтобы с ней в конце концов стали бояться связываться даже старшие Романовы?

С такими содержательными разговорами и неожиданными мыслями антракт подкрался незаметно. И начался он, как и в прошлый раз, с посещения бара, где вся наша молодёжная компания, игнорируя услужливых официантов, ошастливила себя разнообразными напитками и мороженым. Баронесса фон Мольтке, как и обещала, нашла меня сама – она со скромным видом стояла недалеко от нашей компании и смиренно ожидала, когда её заметит великий князь Алексей Александрович. Испытывать терпение родительской фаворитки я не решился, подошёл к женщине сам, сообщил ей о положительном решении вопроса, после чего подвёл её к молодым людям для представления. Легче всего представление прошло с Бурбон, Савойской, сёстрами Гримальди, братьями Медичи, Виндзором и, естественно, братьями Гогенцоллернами – со всеми означенными молодыми людьми Александра была достаточно хорошо знакома. А вот с Соней и русскими девушками произошла некоторая заминка – красавицы хоть и делали вид, что рады знакомству, но я чуял неискренность в их словах. Однако это не помешало нашим девушкам тут же повлиять на организацию их досуга в соответствии с теми «высокими стандартами», к которым они привыкли. В течение пяти минут была достигнута договорённость с баронессой о «такой очаровательной» летней веранде, ди-дjee, кальянах и сотрудниках французских спецслужб, должных охранять покой высокородных отдыхающих от празднующихся на Английской набережной жителей и гостей Ниццы. Сама Александра против веранды, ди-дjee и кальянов ничего не имела, но, когда разговор зашёл про фран-

цузскую охрану, с неммым вопросом уставилась на братьев Гогенцоллернов, продемонстрировав тем самым и национальную гордость, и уважение к правящему роду Германской империи. Вилли и Фриц взгляд оценили по достоинству, и старший из братьев с гордым видом кивнул:

– Ничего страшного, Александра. В конце концов, мы во Франции лишь обычные гости, хозяйка здесь наша очаровательная Стефания. – «Прогиб» был засчитан, и ресторан с летней верандой при отеле Негреску на этот вечер обзавёлся дополнительной охраной.

Когда я повёл баронессу к старшим Романовым, решил поделиться с ней своими наблюдениями:

– Александра, мне почему-то кажется, что мой отец очень бы хотел попасть на вашу вечеринку.

Чуйка тут же подсказала мне всплеск положительных эмоций со стороны баронессы, которая ответила:

– При всём уважении, Алексей Александрович, именно эта цель и была для меня основной.

На это я только пробормотал:

– Кто бы сомневался...

Представление баронессы старшим Романовым прошло не так гладко, как планировалось, – единственный, кто не смотрел на немку с явным подозрением, был мой родитель, а царственная бабуля так и вообще не удостоила Александру даже обязательного приветствия. Сама фон Мольтке, когда мы с ней отходили от моих старших родичей, ситуацию прокомментировала кратко и с юмором:

– Как бы мне до утра дожить с таким-то приёмом...

Я ответил в таком же тоне:

– Все потенциальные исполнители с вами знакомы лично, так что долго мучиться не придется.

– И на том спасибо, ваше императорское высочество!..

– Александр! – нахмуренная императрица смотрела на цесаревича. – Тебе необходимо лучше присматривать за сыном!

– Что ты имеешь в виду, мама? – изогнул бровь цесаревич.

– Не строй из себя... непонятно кого! Ты меня прекрасно понял! Как понял и то, что эта немецкая авантюристка нацелилась на нашего неопытного Алексея!

– Неопытного? – хмыкнул Александр.

– Именно, что неопытного! Людишек убивать он уже приспособился, молодёжь застроил, а в любовных делах ещё телок телком! И эта баронесса, как и... другая принцесса, тому прямое подтверждение!

Видя, что цесаревич продолжает ухмыляться, императрица обратилась за помощью к супругу:

– Дорогой, ну хоть ты повлияй на сына!

Император крякнул и напустил на себя строгий вид:

– Александр, мать права! Негоже Алексею портить себе репутацию на глазах всего европейского общества. Внуку следует вести себя скромнее.

Александр поморщился:

– Алексей проявил обычную вежливость, предварительно согласовав со мной все свои действия, а вы его опять принялись обвинять во всех смертных грехах! Самим-то не надоело?

Император протянул:

– Ну, если согласовал, тогда ладно... – И обратился к продолжавшей излучать недовольство супруге: – Дорогая, твоё беспокойство за репутацию внука объяснимо, но в данном конкретном случае я пока не вижу ничего криминального.

– Вот и именно, что пока не видишь, – буркнула та. – А я прямо чую, что с этой баронессой что-то не так!

– Не накручивай себя, Машенька! Если что, мы всегда успеем вмешаться...

Князь Пожарский дальше императорскую чету не слушал – он на автомате занимался анализом увиденного и услышанного, в том числе и поведения Алексея, Александра и самой баронессы фон Мольке. Выводы делать было пока рано, но то, что вышеупомянутую троицу связывает не только приглашение в ресторан, можно было утверждать со всей определённостью...

Второй акт представления прошёл для меня более весело – царственная бабуля рядом с собой не посадила, и мы со Стефанией, Изабеллой и моими братьями занялись активным выбором того клуба Ниццы, который сегодня ночью будет удостоен чести принимать весь цвет европейской родовитой молодёжи. В выборе нам помогали молодые люди из соседних лож, связь с которыми мы поддерживали при помощи телефонов, переведённых в беззвучный режим, так что самые «отбитые» любители оперы и балета не должны были иметь к нам никаких претензий. К единому мнению по поводу клуба мы так и не пришли и решили отложить данный вопрос на попозже, прислушавшись к мудрому совету многоопытных сестёр Гримальди – стоило сначала посетить вечеринку баронессы фон Мольтке, напиться там атмосферой праздника и уже после этого строить планы, основываясь на своём настроении.

Мой родитель, как оказалось, тоже «шевелился», чтобы угодить своей любовнице, и после окончания представления подошёл к нашей компании и при всех поручил мне «важное дело»:

– Алексей, я тут пообщался с некоторыми наследниками, и многие из них будут совсем не против посетить вечеринку фон Мольтке. Не мог бы ты переговорить с баронессой по этому поводу?

Настроение у молодёжи сразу упало – никому из них не хотелось опять находиться под опекой родичей, даже наши княжны и княжичи смотрели на цесаревича без особой приязни. Исключением не был и великий князь Алексей Александрович, который демонстративно поморщился и кивнул:

– Конечно, папа! Уверен, баронесса не сможет отказать! Разреши приступить к выполнению твоего поручения?

– Разрешаю, сын, – хмыкнул он. – Об успешном выполнении поручения доложишь незамедлительно.

Тяжело вздохнув, опять кивнул, повернулся и неторопливо зашагал в том направлении, где вроде как организовано «тусили» родовитые потомки гордых тевтонов.

Темп...

Поиск облика баронессы...

А направление, оказывается, я выбрал верное и, с улыбкой реагируя на вежливые кивки и заинтересованные взгляды европейских аристо, через минуту оказался перед ярко-голубыми глазами Александры фон Мольке. Громкое озвучивание просьбы родителя и других наследников не заняло много времени, положительный ответ с соответствующими восторгами по поводу оказанной высокой чести – тоже, и не скрывающая своего ликования баронесса под завистливыми взглядами окружающих попросила меня отпустить её из театра, ссылаясь на необходимость личной скрупулёзной проверки готовности ресторана к приёму высоких гостей. Получив

моё милостивое согласие, свой триумф Александра решила закрепить весьма оригинальным способом:

– Алексей Александрович, – томно улыбалась она мне, – не поймите меня превратно, но позволено ли мне будет попросить номер вашего телефона? Вдруг мне понадобится что-то у вас уточнить по поводу меню или развлекательной программы? Да и вы можете взять мой номер, чтобы не пользоваться услугами посредников...

– Записывайте, Александра, – улыбнулся я и продиктовал номер. Сбросив входящий от баронессы, кивнул: – Всегда рад звонку! До встречи в ресторане...

Сообщив родителю об успешно проведённых переговорах, решил, в свою очередь, поинтересоваться:

– А ты что-нибудь придумал?

– Я-то придумал, – хмыкнул он. – Но, как ты сам должен понимать, инициатива должна исходить только и исключительно от объекта сердечного интереса нашей баронессы, то есть от тебя. Так что все подробности узнаешь, но позже.

– Заинтриговал...

«Оперное афтерпати» тем временем продолжалось, собравшиеся аристо активно общались друг с другом в тёплой и дружественной обстановке, а меня с братьями вызвали к себе государь с государыней, решившие дать нам последние наставления перед предстоящим посещением ресторана:

– Так, молодые люди, – оглядел нас царственный дед, – довожу до вашего сведенья, что завтра, во второй половине дня, в Монако прилетают Сан Саныч и Пётр Саныч с вашими, – дед выразительно глянул на Колю и Сашу, – с вашими родителями. Догадываетесь, с какой целью?

Братья расстроено кивнули:

– Помолвка...

– Так точно! – хмыкнул император и повернулся ко мне: – К тебе это тоже относится, Алексей, твои ближайшие родичи у нас давно в наличии. Кстати, заодно и Петрова сосватаем.

Коля с Сашей тут же посветлели лицами, а последний не удержался от ехидного комментария:

– Лёшкину и Шуркину помолвки мы отметим с особым размахом!

Дед не обратил на эти слова никакого внимания и продолжил:

– В свете предстоящего прилёта Александровичей убедительно прошу сегодня вести себя прилично и не напиваться, чтобы завтра мы с бабушкой не слушали очередные упрёки от ваших родителей по поводу разгульного образа жизни двух непутёвых курсантов. Задача понятна?

– Понятна, – вздохнули братья.

– Идём дальше. У нас состоялся конфиденциальный разговор со старшим Медичи, в ходе которого король Италии поблагодарил меня за ваше адекватное поведение с его внуками. Молодцы! Надеюсь, у вас и дальше хватит терпения на итальянцев, особенно в свете принятых ими на себя обязательств. Ну а там видно будет...

Вскоре Коля с Сашей попали в цепкие воспитательные лапы царственной бабушки, а я остался в компании трёх дедов и родителя. Последний меня и принялся инструктировать:

– Алексей, понтифика в крайне тяжёлом состоянии и под надзором врачей уже должны были вывезти в Рим на спецборту. Эту информацию нам озвучил старший Медичи, который стал серьёзно опасаться как за свою жизнь, так и за жизнь сына с внуками. Исходя из этого, тебе следует постоянно находиться в состоянии повышенной готовности. Кроме того, тебе необходимо отслеживать ситуацию ещё и вокруг обоих братьев Медичи – король Италии прямо умолял об этом.

Я, уже привычно переходя в режим «Война», ощерился:

– При всём уважении, дорогие родичи, а не пошёл бы Медичи со своими мольбами куда подальше!

«Дорогие родичи» никак на мои слова не прореагировали, и отец продолжил:

– В круг тех, на кого ещё может быть совершено покушение в ближайшее время, по нашему общему мнению, входят Шурка Петров и Соня Ольденбургская. Надеюсь, нам не надо тебе объяснять почему?

– Не надо... – буркнул я. – Шурку с Соней беру на контроль тоже.

Родитель удовлетворённо кивнул:

– Рад, что до тебя наконец стала доходить вся серьёзность сложившейся ситуации. Инструкции по ментальному контролю получишь от Кузьмина, он в курсе. Хотя... это тебе, наверно, его консультировать надо, но всё же... Теперь что касается правил... личной гигиены. Никакой выпивки и еды от официантов и из бара – всё только с общего фуршетного стола! Не вздумай наливать спиртное или сок из одной и той же бутылки или накладывать салат из одной и той же салатницы! Не ленись – чередуй! Поставил стакан или тарелку с едой на стол, отвернулся или отошёл – больше из них не пьёшь и не ешь! Всё ясно?

– Ясно.

– Передай эти же инструкции Шуре с Соней и постарайся, чтобы они отнеслись к услышанному со всей серьёзностью.

– Сделаю.

– И последнее, Алексей. Не дай бог почувствуешь хоть малейшее недомогание, сразу говоришь об этом Прохору с Ваней, у которых приказ находиться постоянно с тобой рядом, и они тебя тут же отведут в скорую помощь – государь договорился с Бурбонами о дежурстве сразу двух экипажей возле ресторана.

Я вскинулся:

– А Людовик неудобных вопросов не задавал?

– Людовик после информации о внезапно занедужившем Сфорца тоже начал подозревать, что дело нечисто, и вместо одного экипажа обычной скорой прикрепил к отелю «Негреску» ещё и реанимацию с грамотными токсикологами – сам понимаешь, Людовику такие проблемы на Лазурном берегу совсем не нужны.

– Ясен красен... Ещё что-нибудь?

– Пока всё. Будет что-то ещё – сообщу, тем более в ресторан я тоже приеду и тебя подстрахую. – Родитель задумался на секунду, а потом продолжил: – Отойдём-ка в сторонку... Так, сынок, учитывая сложившуюся ситуацию с нашей баронессой...

– Твоей баронессой, – поправил я.

– Хорошо, учитывая сложившуюся ситуацию с моей баронессой, было бы очень неплохо, если бы твоя Соня отказалась от посещения сегодняшнего мероприятия. Понял, о чём я?

– Как не понять-то! – поморщился я. – Порешаю.

– Вот и славно! Всё, шагай и общайся с Петровым и Ольденбургской. И постарайся сделать так, чтобы у них истерики не случилось от озвученных ранее средневековых мер безопасности.

Пока «шагал» до компании нашей молодёжи, мысленно прикинул, что старшие родичи абсолютно правы – если католические колдуны, не имея возможности напасть на меня лично, захотят отомстить или спровоцировать на необдуманный шаг, то нападать будут именно на Шурку или Соню, как на менее охраняемых из близких мне людей. А вот нападение конкретно на Романовых, исключая, понятно, мою скромную персону, нецелесообразно – против католических беспредельщиков тогда сразу объединятся все правящие роды мира, напуганные тем, что в следующий раз что-то подобное может случиться и с ними. Касательно же безопасности Петровых и Ольденбургских в самое ближайшее время придётся что-то радикально решать,

и правящего рода Норвегии после нашей с Соней помолвки это будет касаться в первую очередь...

К удивлению, мой лучший друг к «инструктажу» отнёсся не только с пониманием, но и с полнейшим спокойствием. Причина такого его поведения выяснилась достаточно быстро:

– Да меня уже Прохор успел коротенько в проблематику посвятить, – вздохнул Шурка. – И с отцом обещал завтра переговорить, чтобы и они с мамой и братом выполняли эти же инструкции. Лёшка, ты не переживай, я всё понимаю и уже постепенно начинаю привыкать к... светскому образу жизни.

Я ободряюще хлопнул Петрова по плечу и хмыкнул:

– Привыкать нам с тобой, Шурка, следует к другому – возврата к обычной жизни, похоже, уже не будет...

С Соней разговор начался по аналогичному сценарию, только в роли Прохора выступил дед Николай, который, судя по всему, весьма доходчиво обрисовал Ольденбургским все не очень весёлые перспективы, связанные с нахождением принцессы рядом со мной. Естественно, Соня попыталась аккуратно выведать у меня подробности, в которые русский император Ольденбургских не посвятил, но на мой отказ делиться информацией не обиделась и при разговоре со мной демонстративно придерживала бокал с соком таким образом, чтобы он постоянно находился у неё в поле зрения. А вот вторая часть нашей с ней беседы началась с претензий девушки в мой адрес:

– Алексей, что вообще происходит между тобой и этой баронессой фон Мольтке? Особенно меня интересует этот вопрос в свете нашей с тобой скорой помолвки.

Ясно – царственный дед Ольденбургским уже намекнул, чтобы готовились к этому эпикальному событию. Заботу же о безопасности членов правящего рода Норвегии дедуля обосновал скорым родством с Романовыми. А что касается баронессы – подходящих «отмазок» мне в голову всё не приходило, поэтому я решил отделаться виноватыми междометьями:

– Ну... понимаешь, Соня, там такое дело... не всё так однозначно...

Девушка смотрела на меня с подозрением:

– Опять тайны на ровном месте разводишь, Алексей? – упрекнула она меня. – Ты понимаешь, что после нашей с тобой официальной помолвки подобное твоё публичное поведение будет неприемлемым?

– Догадываюсь... – пробормотал я.

– Вот и не заставляй меня в тебе разочаровываться. – Девушка вздохнула, а я *почувал*, что гроза миновала. – И вообще, со стороны вся эта твоя ситуация с баронессой смотрится как начало бурного курортного романа, и, кстати, все без исключения зрители в это свято верят, в том числе и твои русские подружки. Я же вижу, что фон Мольтке тебя беззастенчиво использует, а ты, прекрасно это понимая, не только ей не препятствуешь по своему обыкновению, но и демонстративно во всём потакаешь. Причём о сексуальном влечении ни с той ни с другой стороны говорить не приходится. Алексей, признайся, – Соня смотрела на меня со скрытой надеждой, – тебя немецкие спецслужбы с помощью этой баронессы пытаются поймать в «медовую ловушку», а ты как бы делаешь вид, что попался, и, в свою очередь, попытаешься сделать из фон Мольтке двойного агента?

«Чего, бл@дь? Какая медовая ловушка? Какой к чёрту двойной агент?» – эти мысли вихрем пронесли в голове. А следом пришла другая мысль: «Алексей, не совершай опять эту ошибку – не суди по себе! Это ты с детства воспитывался профессионально деформированным Прохором, являющимся действующим сотрудником Тайной канцелярии, а дедом у тебя был знаменитый генерал Пожарский! Ещё и в лицее пришлось себя резко до жестокости *ставить* – спасибо *мутному* происхождению! Да и последние полгода дорогого стоят в плане взросления и опыта. А Соня? Почёт и уважение ото всех окружающих с пелёнок! Спецпредметы с рукопашным боем и полигон со стихиями воспринимаются как развлечение, а не как образ жизни!

Ещё девочке всего шестнадцать лет, а на книжных полках в её покоях без всяких сомнений полно женских бульварных романов, в том числе и с якобы детективным уклоном и с подробным описанием этих самых «медовых ловушек»! И тут она, сама того не понимая, но *чувствуя*, становится свидетельницей захватывающего действия, как под копирку списанного с дешёвого бульварного романа! И кто я такой, чтобы судить Сою, если даже мои братья – Николай и Александр – уверены, что у меня с баронессой намечается бурный роман?»

– Сонечка, – откашлялся я, – какие медовые ловушки? Какие двойные агенты? Ты о чём? Просто я решил помочь соотечественнице по доброте душевной. Неужели ты действительно могла подумать, что я способен испортить нашу с тобой помолвку таким вот своим легкомысленным поведением?

Надежда на лице девушки сменилась обидой:

– Так бы прямо и сказал, что это секрет! Всё, больше я эту тему обсуждать не намерена.

Я опять откашлялся:

– Сонечка, тут ещё такое дело... Есть мнение, что тебе не стоит сегодня ходить на мероприятие баронессы. Лично я с этим мнением полностью согласен...

Обида резко сменилась любопытством:

– Я так и знала! Обещай, что после помолвки ты мне всё расскажешь, и тогда я не пойду в ресторан!

– Обещаю, – вздохнул я. – Но без подробностей.

– Договорились!

Закончив разговор с Соней, я несколько расслабился и дал себе зарок – в будущем в подобные игры с чувствами близких мне людей не играть, иначе себя уважать перестану...

К ресторану из театра мы подъехали практически в одиннадцать часов вечера и тут же оценили старания рода Бурбон – цепь из жандармов в форме надёжно отрезала нас от собравшихся зевак, привлечённых скоплением лимузинов с самыми разнообразными гербами на дверях. Эти же самые жандармы, насколько я видел, окружили и летнюю веранду, так что безопасность отдыха родовитых аристократов гарантировалась. У входа в ресторан под фотовспышками вездесущих репортёров мы раскланялись с хозяйкой вечера – баронессой Александрой фон Мольтке, встречавшей нас в тёмно-фиолетовом платье весьма смелого покроя, – и ей моим родителем после обязательных комплиментов тут же были представлены сопровождающие нас лица: господин Белобородов П.П. и господин Кузьмин И.О. Наконец, все формальности были соблюдены, хозяйка пожелала нам хорошего вечера, и мы оказались внутри ресторана, где официанты, стоявшие с подносами, тут же предложили нам шампанское в бокалах. Естественно, взятое шампанское я не пригубил даже для вида, не стали пробовать игристое и отец с Прохором и Ваней. Коля с Сашей и Изабеллой же, напротив, отказывать себе ни в чём не стали, и в скором времени их бокалы были наполовину пусты.

Пока заходили представители русской молодёжи, оглядел сам ресторан и остался несколько разочарован – нет, дело было не в интерьере, а в том количестве гостей, которые оказались на вечеринке. Помещение, несмотря на сдвинутые к стенам фуршетные столы, было явно рассчитано на меньшее количество посетителей, и приглашённые аристо, если смотреть со стороны, представляли собой обычную толпу в базарный день, только обряженную в очень дорогие костюмы и платья. Если окажется, что и на веранде столько же народа, репутации баронессы будет нанесён непоправимый урон!

Мои сомнения развеял подошедший к нам солидный мужчина, представившийся администратором:

– Ваше высочество, – после поклонов обратился он ко мне, – госпожа баронесса просила открыть доступ на летнюю веранду только вам, обосновывая это вашими пожеланиями по поводу приглянувшихся вам и вашим друзьям конкретным столикам, музыки и наличия кальянов. Какие будут указания, ваше высочество?

Мысленно извинившись перед баронессой за свои дурные мысли о ней, я ответил:

– Господин Дюран, мы будем вам признательны, если вы подождёте нас у выхода на веранду. Мы же тут дождёмся остальную молодёжь и подойдём к вам.

– Как будет угодно вашему высочеству! – поклонился администратор и с достоинством удалился.

Я же повернулся к родителю:

– Отец, советую и тебе собрать наследников и расположиться вместе с нами на веранде. Поверь, там очень неплохо, да и свежий морской воздух весьма бодрит.

Родитель кивнул:

– Хорошая идея. Но я всё-таки предлагаю дождаться баронессу – пусть она на правах хозяйки и проводит нас на веранду...

В первом часу ночи вечеринка стала напоминать все остальные званые вечера в высшем и не очень обществе – собравшиеся выпили, расслабились, перемешались, перезнакомились и стали стихийно образовывать компании по интересам. «В народ» пошли и принцы с принцессами, отдавая, конечно же, предпочтение дворянам и дворянкам из собственных стран. Исключением из «хождения» не стали и наследники правящих родов. Сама баронесса фон Мольтке демонстрировала высший пилотаж хозяйки и души мероприятия, умудряясь находиться сразу в нескольких местах одновременно и одаривая своим вниманием и заботой буквально каждого. Сам я тоже не сидел на одном месте и в сопровождении Прохора и Вани «вращался» в интернациональной европейской тусовке, перемещаясь от одной группы к другой. Открытием же вечера стал русский художник Александр Петров, собравший вокруг себя самую большую компанию из экзальтированных дамочек и их мужей и натуральным образом читавший лекцию по искусствоведению на примере какой-то известной и крайне противоречивой картины, чьё изображение было выведено на экран плазменной панели в дальнем углу веранды. Дамочки млели и не смели возражать разошедшемуся «русскому гению», мужчины глубокомысленно кивали, а Кристина Гримальди, стоявшая недалеко от своего сердечного друга, кидала на Шурку обожающие взгляды.

– Наш-то какой красавчик! – ухмылялся Кузьмин, наблюдая за происходящим. – И откуда что взялось у подростка? Ведь ещё вчера на людях слово боялся сказать.

Прохор не отставал:

– Это всё сынкино дурное влияние. Вернёмся на родину, попрошу Борисыча приставить к Петрову пару инструкторов из нашей с тобой учаги. Пусть натаскивают подростка на оперативную работу, а то, как я посмотрю, наш Рембрандт с каждым днём в гламурных европейских кругах становится всё популярнее.

– Согласен! Грех такую возможность упускать...

Несмотря на обычный трёп воспитателя и колдуна, я чувал их напряжение, да и моё состояние нельзя было назвать расслабленным, на мне был постоянный поиск угрозы на ближних и дальних подступах, мониторинг настроения гостей и персонала заведения, отслеживание обликов Шурки Петрова, братьев Медичи и, конечно же, собственного родителя, тоже входящего, по моему мнению, в «группу риска». Этим же самым занимался на постоянной основе и Ванюша Кузьмин, рост мастерства которого был виден для меня невооружённым глазом.

– Алексей Александрович! Господа! – к нам подошла улыбающаяся хозяйка приёма. – Как ваше настроение? Вам всё нравится?

– Всё хорошо, Александра! – улыбались мы в ответ. – Замечательный вечер!

– Я старалась! И вечер станет вообще фееричным, если вы, Алексей Александрович, расскажете мне прямо сейчас какую-нибудь весёлую историю, а я буду громко смеяться и игриво трогать вас за руку.

Я обратил внимание, какими циничными взглядами обменялись Прохор с Ваней, откашлялся и заявил:

– Как я могу отказать такой красавице, Александра? Так вот, есть у меня небольшое именице на Смоленщине...

Последствия столь демонстративно интимного общения с баронессой я ощутил буквально сразу – преобладающим чувством у большинства окружающих была натуральная зависть, гораздо реже – ревность, а уж восхищённых можно было пересчитать по пальцам. Причём большинство таких было в среде наследников, искренне желавших мне «удачи», они же «восхищались» и смелостью баронессы, которая методично и решительно шла к «намеченной цели». Одним словом, целомудрие и порядочность были не в почёте среди европейской знати, а вот желание любой ценой удовлетворить все свои хотелки, оказаться *выше* всех остальных – наоборот. И это было печально, а где-то даже и мерзко, но, как говорится, с волками жить – по-волчьи выть...

Моё настроение чутко уловил Ванюша Кузьмин, который тихонько затыкнул:

Ромашки спрятались, поникли лютики,

Когда застыла я от горьких слов:

Зачем вы, девочки, красивых любите,

Непостоянная у них любовь.

(музыка Е. Птичкин, слова И. Шафран)

Прохор не удержался и фыркнул:

– Ты это, певец ртом, чего сынке-то тут арии выводил? Лучше папашке евойному спой на досуге. О-о-о, а вот и папашка к нам направляется, лёгок на помине...

– Я что-то не поняла, – возмущалась Евгения Демидова, оторвавшись на время от курения кальяна, – для баронессы вообще никаких рамок приличий не существует? А Алексей? Только что слюну на так называемую соотечественницу не пускает!

– Согласна! – кивнула Тамара Хачатурян. – Но немка бесит меня гораздо больше!

Сидевший рядом с ней Сандро Багратион выпустил изо рта облако ароматного дыма и хмыкнул:

– Ещё бы ты, Тома, посмела заявить, что Алексей тебя сильно бесит! А так... Конкретно я ничего криминального в его поведении не замечаю, особенно если учесть назойливый характер фактических приставаний к нему хозяйки нашего вечера.

– Сандро абсолютно прав! – заявила Инга Юсупова. – Мы с Наташей тоже, бывало, к Алексею... Извините, оказывали Алексею назойливые знаки внимания, а он, напротив, всегда был подчёркнуто вежлив и обходителен.

Андрей Долгорукий не удержался от комментария:

– А потом терпение Алексея закончилось, и вы с Наташей под домашним арестом две недели просидели. Та же участь постигла и Машу с Варей Романовых, правда, всего на один

вечер, но... – княжич хмыкнул: – Короче, моё мнение, что Алексей пока позволяет баронессе вести себя с ним таким образом. Когда он наиграется или его терпение лопнет, не хотел бы я оказаться на месте фон Мольтке.

Княжичи с княжнами, а также присутствовавшие при разговоре принцы с принцессами невольно поёжились – все вспомнили свои ощущения в том ресторане, где Мария и Варвара имели неосторожность вывести старшего брата из себя. А Долгорукий тем временем продолжил:

– Ещё и эта просьба Алексея к нам, чтобы мы не торопились с выбором ночного клуба. Есть у меня ощущение, что всё не просто так...

В половине третьего часа ночи наша хозяйка попросила ди-джея приглушить музыку, взяла в руки микрофон и объявила, что в четыре часа утра из марины Ниццы отплывает в открытое море суперяхта «Звезда», предоставленная родом Романовых. Возвращение «Звезды» в Ниццу запланировано на девять часов утра. Для всех желающих на борту яхты будет организована дискотека и открыт бар с напитками и закусками. В программе развлечения присутствует салют и романтическая встреча рассвета в открытом море.

Объявление вызвало в среде подпивших гостей самую горячую поддержку, а желание отправиться на морскую прогулку на той же самой пафосной красавице-яхте, на которой совсем недавно царственные особы ходили на рыбалку, никто даже не собирался скрывать.

Спустя ещё какое-то время гости нашли и объяснение такому «романтичному» поведению великого принца Алексея Александровича – род Романовых решил банально «присоединиться» к вечеринке баронессы фон Мольтке, чтобы упрочить в среде европейской знати свою репутацию и авторитет. Причём факт того, что приглашение на яхту озвучила именно фон Мольтке, а не кто-то из Романовых, играл в плюс к репутации и баронессы тоже.

Молодёжь тоже сделала *правильные* выводы и «обвинила» великого принца в сокрытии такого приятного сюрприза. Молодой человек при этом улыбался и оправдывал своё отвратительное поведение проблемами с доставкой на «Звезду» достойных салютов.

К моему немалому облегчению, на яхте баронесса переместила основной фокус своего внимания на наследников правящих родов, в том числе и на моего родителя. «Нарядные» принцы «широкий жест» красивой и весёлой немки оценили по достоинству и принялись дружно за ней ухаживать, шутливо соревнуясь между собой в куртуазности. В результате ди-джей был вынужден постоянно ставить одни медляки – отказать наследникам он не смел, – а вечеринка на яхте стала превращаться в натуральное сонное царство со слезливыми воплями из динамиков и качающимися парами на танцполе.

– Лёха, это что вообще такое? – стал возмущаться братец Александр, а окружавшая нас молодёжь недовольно загудела. – Гости и так уже прилично подшофе, а тут ещё эти баллады! И ведь ничего не скажешь! – он указал на наследников, комфортно расположившихся на носу в плетёных креслах. – Но надо как-то всех взбодрить!

Вмешалась Инга Юсупова:

– Надо баронессу у старших как-то забрать и нормальную музыку поставить!

Забрать баронессу и нормальную музыку поставить... Хорошее предложение... А если совместить?..

– Сейчас решим, – кивнул я. – По крайней мере, я на это надеюсь... – И направился к зашуганному ди-джею.

Поиск нужной композиции в огромной фонотеке маэстро дал положительный результат, и через пару минут в динамиках заиграли первые аккорды песни, на которую, по моим прикидкам, должна была обязательно среагировать моя соотечественница Шурочка Бергер.

Реакция баронессы превзошла все мои самые смелые ожидания: Александра, собиравшаяся уже уходить с танцпола в сопровождении Гогенцоллерна, натуральным образом взвизгнула, скинула с себя туфли, оставшись босиком, и принялась активно скакать на месте в такт песне.

На этом сюрреализм не закончился – более юные мои соотечественницы тоже узнали песню, дружно завизжали, наплевав на все приличия, скинули свои «лабутены» и выскочили на танцпол, выкрикивая слова первого куплета:

Все ушли и даже мама, серый дождь идёт с утра.

У меня сегодня замуж вышла старшая сестра.

Будет чёрная машина, будет свадьба допьяна,

Пляшут женичины, мужчины, только я совсем одна.

Во время припева опытный ди-джей параллельно с поиском следующей композиции убавлял звук, так что баронесса и наши девушки исполняли «Старшую сестру» а капелла:

Ты – кого любила я, ты кумир, мечта моя.

Будем жить теперь мы вместе, мы теперь одна семья,

Но так вышло, что она, а не я тебе жена.

Что за странная ошибка, что ты сделала, сестра?

(музыка Т. Буланова, текст Панфилов В.)

Получалось у наших красавиц, конечно, не очень, но их бьющий через край энтузиазм начал заражать и остальных сонных гостей яхты. Так что во время полного скрытых смыслов исполнения «Ибицы» и последующей знаменитой на весь мир композиции под названием «Нас не догонят» на танцполе было не протолкнуться. Дальше уже было дело техники – ди-джей взял музыкальное сопровождение вечеринки в свои опытные руки, наши девушки резко задружились с баронессой на почве общих музыкальных интересов, а я высказал «фи» родителю за чуть не испорченный праздник.

Салют был хорош – спасибо роду Гримальди, – потом снова дискотека, наконец, встреча рассвета в открытом море под грамотно подобранную умиротворяющую музыку и возвращение в марину.

До Монако наш кортеж так и не доехал – поступил приказ остановиться. Когда мы с Николаем вышли из машины, мой родитель, едва сдерживающий ярость, отвёл Прохора, Ваню, Алексея Петровича Нарышкина и нас с братьями в сторону:

– Только что сообщили: на наше посольство в Мадриде напали, есть жертвы. Больше пока ничего сказать не могу, информация уточняется. Государь с государыней, дядька Вова и Михаил Николаевич уже выехали, так что дождёмся их здесь и нанесём визит вежливости Савойским. Алексей, – отец заиграл желваками, – нам в качестве лишнего аргумента может понадобиться Изабелла. Сможешь её загасить, а мы пока позвоним водителю и прикажем привести её сюда?

– Делаю... – кивнул я.

Темп...

Облик Изабеллы ещё в движении...

Команда на сон...

– Отец, всё сделано.

– Отлично! Водитель уже разворачивается. – родитель повернулся к моему воспитателю и указал на микроавтобусы в конце кортежа: – Прохор, отправляй остальную молодёжь по домам – рано им ещё в разборках такого уровня участвовать. И ещё, дружище, пусть пара дворцовых

берут Ванин «гелик», мчат к больнице, где у нас Филиппок раны зализывает, и следят, чтобы эта гнида испанская не вздумала в аэропорт свалить.

– Сделаю, Саша...

Царственный дед, в отличие от отца, свою ярость скрывать не стал и, покинув свой «Майбах», тут же принялся на эмоциях *забавляться* со стихиями – по пустынному склону в сторону моря пронёсся гудящий воздушно-огненный смерч, а само море около берега вспучилось белоснежной от пены стеной высотой метров двадцать, красиво *опавшей* обратно, сверкая в лучах восходящего солнца всеми цветами радуги.

Сбросив накопившееся напряжение, дед повернулся к нам, окинул всех мутным взглядом и заорал:

– Мне нужны головы тех, кто это сделал! Мне нужны головы тех, кто за этим стоит! Ещё я хочу головы тех представителей испанских спецслужб, в обязанности которых входит в том числе обеспечение безопасности дипломатических представительств иностранных государств! И, самое главное, я хочу крови Савойских, не способных выполнить взятые на себя обязательства!

– Полностью поддерживаю! – кивнул дед Владимир. – Мы оставили в живых испанского короля, хотя имели прекрасную возможность его убить! Мы не объявили войну Испании, после того как они устроили подлую провокацию на Ибике! И что мы поимели в итоге? Оху@вшие идалго продолжают вытирать о нас ноги! Наш ответ должен быть даже не жёстким, а жестоким! Чтобы ни у испанцев, ни у кого-то другого даже мысли не возникало косо посмотреть в сторону Российской империи! – он поморщился. – Пять погибших! Три дежурных дипломата, одна из них женщина, и два бойца охраны! И нам ещё повезло, что нападение произошло ранним утром! Значит, мы должны уничтожить двадцать, тридцать, пятьдесят человек, большая часть из которых якобы отвечала за безопасность диппредставительств! Работать лучше будут! Коля, – дед Владимир уставился на императора, – к чёрту все эти соразмерные ответы на подобные провокации! К чёрту дипломатические расшаркивания с этими нотами протеста! Эти европейские твари ничего, кроме языка силы, не понимают! Вот завалим пару-тройку десятков упырей, откровенно занимающихся антироссийской подрывной деятельностью, и начнёт доходить до спонсоров этих тварей, что прежняя лафа закончилась. Вон, на внука глянь, – дед Владимир указал рукой на меня, – парню семнадцать лет, а с ним короли с императорами и их наследники со всем уважением разговоры разговаривают! И, что характерно, прислушиваются к его мнению. Потому что боятся и уважают его за решительный характер, отсутствие всех и всяких внутренних ограничений и способность идти до конца! Так давай, Коля, свою внешнюю политику строить в этом же ключе... – он вздохнул. – И пора бы уже в нашем МИДе шороху навести, а то ведь постоянно за них краснеть приходится...

Тут шаг вперёд сделал князь Пожарский:

– Государь, Вова дело говорит, а моё мнение о нашем дипломатическом корпусе, представители которого только и умеют языком трепать и ноты слать, ты давно знаешь. Что же касается ситуации с нападением на наше посольство в Мадриде, было бы неплохо больницу, в которой Филиппок валяется, под охрану наших дворцовых взять, чтобы, значит, Савойские на лыжи не встали, а Изабеллу вообще в браслеты и на яхту – под присмотр Варушкина. Будет у нас в качестве заложницы находиться.

Дед Владимир поддержал князя:

– Отличная идея!

Тут влезла раздражённая императрица:

– Какая яхта, Мишаня? Ты ещё этой сикилявке обеспечи прогулки на свежем воздухе и трёхразовое питание с переменной блюд! А ты, Вова? Кто только что нам тут вещал за жёсткость и жестокость в переговорном процессе? Вот и будем разговаривать с Савойскими с позиции силы, а в качестве подтверждения серьёзности наших намерений... Прохор! – она повернулась к моему воспитателю. – Нож! Быстро! – Получив искомое, бабка повернулась к цесаревичу: – Саша, эта тварина испанская в браслетах?

– Да, мама, – кивнул тот. – Что ты задумала?

Императрица вопрос сына проигнорировала и повернулась ко мне:

– Алексей, выводите Изабеллку из летаргического сна! Сейчас я эту спящую красавицу за Ибицу и наших дипломатов так художественно порежу, сам Ван Гог позавидует!

Окружающие замерли, смотря круглыми глазами, как кровожадная старушка аккуратно проверяет наманикюренным ноготком остроту лезвия прохоровского десантного ножа. Судя по моим ощущениям, злобная бабуля действительно собиралась осуществить озвученное, а опасалась она только одного – чтобы супруг не поручил это, без всяких сомнений, богоугодное дело кому-нибудь другому. Да, в роду Дашковых яйца достались именно Марии Фёдоровне, а не Фролу Фёдоровичу...

Бабка же, удовлетворённая качеством *инструмента*, вперила в меня раздражённый взгляд:

– Чего застыл, внучок? Буди девку, я её освежую по-быстрому, и поедем уже в Ниццу с Филиппком за посольство разговаривать. Не хочешь? – она пожалала плечами и повернулась к Кузьмину: – Ванюша, мальчик мой, разбудишь для меня принцесску? А то спящую её резать удовольствие не то...

– Э-э-э, мать, ты чего удумала? – нахмурился отмерший император. – Ты это, отдай ножик Прохору, а то порежешься!

– Ещё чего! – бабка ещё сильнее стиснула в ручонке нож. – Мы же вроде как решили, что трупаков должно быть много, вот и начнём с Изабеллки! Она мне, кстати, с самого начала не понравилась!

– А кто тебе вообще когда нравился? – взревел царственный дед. – Всех невесток застрашала! Никому от тебя жизни нет! А теперь решила переключиться на невест внуков! Сколько же...

– Хватит! – заорал мой отец, у которого, судя по всему, закончилось терпение. – Нашли время отношения выяснять! Как дети малые! Дай сюда! – он сделал шаг вперёд, вырвал из рук кровожадной мамыши нож и отдал его Прохору.

Царственная чета, что характерно, никак такое неуважительное отношение со стороны цесаревича не прокомментировала и ограничилась лишь обиженными взглядами на сына и друг на друга.

– Подведём промежуточные итоги, дамы и господа, – уже спокойным тоном продолжил отец. – Считаю, что к нападению на наше посольство Савойские вряд ли имеют какое-либо отношение, не в том они положении, да и выгод для них что-то не наблюдается. Но, как правильно отметил дядька Володя, ответственность лежит и на них. Идём дальше. Серьёзных сил внутри Испании, способных решиться на подобное, в наличии не имеется. Алексей, – родитель смотрел на генерала Нарышкина, – я прав?

– Прав, Саша, – кивнул тот. – Вся оппозиция Савойскими давно придушена, а действия разведок европейских стран в Испании не выходят за рамки рутинных мероприятий. Кстати, в месть гордых испанцев проклятым русским за своего короля я не верю – ситуация в Испании на этот счёт мониторится и Савойскими, и нами. Всё ограничивается якобы патриотическими разговорами на кухне, да и то после пары-тройки бутылок малаги.

– Спасибо, Алексей! И остаётся у нас всего четыре подозреваемых, способных решиться на подобную провокацию: Германия, Англия, Польша и... – родитель обвёл всех взглядом. – И Ватикан.

– Этого ещё нам не хватало! – буркнула императрица. – Проклятые католики! Саша, а почему ты не включил в этот список Францию? Бурбоны уже который век на вотчину Савойских заглядываются, вот и могли воспользоваться подходящим случаем и испанцев под нас подставить.

За родителя ответил император, который указал на меня рукой:

– Вон стоит причина, по которой Людовик о таком даже думать побоится! А в остальном Саша прав – основных подозреваемых действительно четыре, и с тремя из них, а именно с Германией, Англией и Польшей, мы порешаем чуть позже, с Ватиканом будем думать, что делать, а вот прямо сейчас необходимо заняться Савойскими. У кого будут какие предложения?..

Дед Николай явно начал успокаиваться и возвращаться в адекватное для принятия важных решений состояние. В себя постепенно приходили и все остальные, а первым дельное предложение озвучил князь Пожарский:

– Три дня Савойским на поиск злодеев, которые явно далеко уйти не могли и затихали на территории Испании. Только поиск, государь! Захват злодеев по наводке испанцев будем осуществлять мы под командованием Лёшки. В группу захвата должны войти те же самые бойцы, что работали по Медичи и Сфорца. Доклад закончил...

В палате короля Испании всё сразу пошло не по плану – царственного деда при взгляде на обоих Филиппов натуральным образом затрясло, вокруг него загудели воздушные смерчи, и дед быстрым шагом направился к окну, сбрасывая на ходу с рук языки пламени. В окно он смотрел больше минуты, пока смерчи не исчезли, потом резко повернулся к нам и приказал:

– Алексей, разбирайся!

Князь Пожарский с гордостью наблюдал, как любимый внук медленно, как бы нехотя выдвинулся из «рядов делегации» Романовых, остановился напротив Савойских и равнодушным тоном заявил:

– Недоброго утра, господа!

Король и наследник ничего не ответили, а князь обратил внимание на застывший, стеклянный взгляд Филиппа-младшего.

– Отец, – Алексей повернулся к цесаревичу, – можешь *спрашивать*, а я на телефон всё запишу. За Изабеллу не переживай, она тоже помнить ничего не будет.

Грамотный допрос длился больше пятнадцати минут и не принёс никаких существенных результатов, кроме лишнего подтверждения того, что на Ибике род Савойских под Романовых, Бурбонов, Гримальди и Медичи банально подставили Гогенцоллерны и Виндзоры. Ещё Филипп-младший «признался», что перед самой дуэлью без ведома отца пытался *заказать* Алексея наёмникам, но безрезультатно. Зато теперь была полная уверенность в том, что к нападению на наше посольство правящий род Испании и подчинённые ему спецслужбы никакого отношения не имеют. По крайней мере, оба Савойских утверждали именно это. На вопрос о возможной причастности к нападению Ватикана они ответили, что это вполне в духе тайных католических орденов, которые в Испании чувствуют себя крайне вольготно.

Выведя Савойских из транса, Алексей как ни в чём не бывало продолжил:

– Господа, по реакции моего царственного деда вы должны были понять всё то возмущение, которое испытывает Российская империя в связи с нападением на её посольство в Мадриде. Скажите, господа, это нападение произошло с вашей подачи?

Искренности возмущению Савойских такими низкими подозрениями добавлял валявшийся на койке Филипп-старший, эмоционально махавший во все стороны загипсованными конечностями. Причём среди реплик, полных возмущения, звучали и заверения в том, что злодеев уже ищут буквально все испанские специальные службы.

– Господа, – Алексей жестом остановил разошедшихся Савойских, – как мы вам можем верить после Ибицы? Да и живы вы до сих пор только потому, что наш государь, – внук указал на Николая, – всегда принимает решения о ликвидации неугодных лиц, основываясь исключительно на железных доказательствах. Но вину в отвратительном обеспечении охраны нашего посольства вам всё-таки придётся признать. Не так ли?

Король отвернулся и принялся что-то бормотать на испанском, а наследник уставился в пол. Алексей же хмыкнул и продолжил:

– Будем считать, что признаёте. Теперь переходим к главному. Род Романовых даёт вам три дня на поиск злодеев, совершивших нападение, и их возможных сообщников. Нас не интересует, как вы их найдёте, хоть всю Испанию переверните! Злодеи должны быть найдены, и найдены живыми! Существенное дополнение, господа, – когда вы обнаружите нападавших, самостоятельно захват осуществлять запрещаем! Вы сообщаете нам, и именно мы дальше работаем по злодеям. Вы меня услышали?

– Услышали...

– Теперь по вашей мотивации. Не укладываетесь в трёхдневный срок, находите мёртвых злодеев или пытаетесь подставить нам левых нападавших – я вас двоих сначала отдам одному суровому дяденьке, который будет долго и вдумчиво вас пытать, а потом лично сожгу то, что от вас останется. Перспективы понятны, господа Савойские?

Князь Пожарский верил каждому слову Алексея, верила Изабелла, которая громко всхлипнула, верили и оба Савойских, которые старательно отводили глаза от равнодушного взгляда внука.

– Теперь по связи, – продолжил он. – Информировать о ходе поиска будете господина Нарышкина, через него же можете связаться со мной – чем смогу, тем помогу. – Алексей повернулся к императору: – Государь, я довёл всю информацию до господ Савойских или что-то упустил?

– Вира.

– Точно! Размер виры, которая отойдёт Российской империи и семьям погибших от Испании, мы обсудим после завершения поисков злодеев. – Внук ухмыльнулся. – Сами понимаете, господа, какой смысл обсуждать что-то с вами двоими сейчас, если может получиться так, что через три дня виру обсуждать придётся с кем-то другим.

Опять бормотание короля на испанском, потухший взгляд наследника, и Алексей, разглядывающий обоих Савойских с задумчивым видом.

– Государь, – внук резко повернулся к императору, – у меня тут идея возникла!

– Говори, – Николай кивнул.

– Я тут подумал – у нас от Савойских одни проблемы, может, прямо сейчас их кончить? Остаток их рода вырежем примерно за неделю, а нужных нам злодеев руководство испанских спецслужб нам выдаст и так...

Упомянутые Савойские замерли и забыли, как дышать. Император же задумчиво протянул:

– Смысл?

– Срочно женим Александра на Изабелле, которую единственную из рода Савойских оставляем в живых, и при нашей поддержке Испанией начинает править новый и дружествен-

ный нам род – Романовы-Савойские. Уверен, Бурбоны и Медичи нас поддержат, а с остальными...

Алексея прервал полный отчаянья всхлип Изабеллы:

– Убьёте моих родичей, я сама на себя руки наложу! Не будет любимой Испанией править никто, кроме Савойских!

– Ах ты лярва испанская! – рявкнула на русском Мария Фёдоровна, развернулась к Изабелле и вlepила ей звонкую пощёчину. – Ты у меня своей смертью не умрёшь, это я тебе обещаю! – императрица несколько мгновений с презрением разглядывала свою хныкающую жертву, а потом обратилась к супругу на французском: – Дорогой, Алексей дело говорит, вариант очень перспективный!

– Проблемный только... – ответил Николай, разглядывая замерших Савойских. – А если Изабелла действительно на себя руки наложит? Так рисковать мы не можем. Алексей, что скажешь?

– Пусть самоубивается, государь, – пожал плечами тот, – нам же проблем меньше – мы Испанию в качестве виры в любом случае себе заберём на какое-то время, быстренько подчистим её золотовалютные запасы, а потом Франции оптом продадим, пусть у Бурбонов голова болит. Но я буду настаивать, чтобы Ибица безвозмездно перешла роду Гримальди – может, хоть у них получится сделать из острова клиентоориентированный курорт.

Мария Фёдоровна не удержалась от комментария:

– Дорогой, с Бурбонов за Испанию возьмём только золотом! Никаких франков, ценных бумаг и прочей ерунды!

Император покачал головой:

– Соблазнительно... Очень соблазнительно! Но опасно... Вова, Миша, Саша, что думаете?..

Дискуссия между старшими родичами, не обращавшими никакого внимания на Савойских, длилась больше пятнадцати минут и привела лишь к одному – решили, что царственный дед аккуратно «провентилирует» означенный вопрос с Людовиком Бурбоном. Самих Савойских предупредили, чтобы они держали рты на замке, иначе никаких консультаций с королём Франции не понадобится, а их любимая Испания после разграбления просто пойдёт с молотка – возможно, даже частями. Напомнил дед и про поиск злодеев, попросив Филиппа-старшего сказать руководству испанских специальных служб об их персональной ответственности за результаты этого самого поиска. Так что, когда мы покидали палату, в ней царили уныние и обречённость...

Филипп-младший, прижимавший к себе рыдающую дочь, повернулся к отцу:

– Может, застрелимся, чтобы потом не мучиться? Тогда есть шанс, что Романовы остальных наших родичей не тронут.

– Я бы не был в этом так уверен, сынок. У этого Алексея, говорят, слова не расходятся с делом. Лучше давай подумаем, как нам отомстить.

– Отомстить? Романовым? Где Испания и где Россия? А если пробовать прибегнуть к услугам наёмников, боюсь, мы везде получим отказ – с русскими сейчас никто связываться не будет ни за какие деньги.

– Та-а-ак... – протянул король. – И с каким количеством посредников ты успел связаться за моей спиной?

– С тремя... – Филипп-младший отвёл глаза. – Со мной даже разговаривать не стали, когда прозвучала фамилия Романов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.